

ЕВГЕНИЯ ИЗЮМОВА

«У КАЖДОГО СВОЙ ПУТЬ,
ИЛИ ТРИ ДОРОГИ К БОГУ»

*(отрывки из повести «Пасынки»,
которая пока не опубликована)*

Светлана Рябинина ездила на городское кладбище три раза в год в дни, когда ушли в мир иной самые близкие ей люди.

Кладбище было большое, состояло из двух частей – старой и новой. Последнее пристанище Августы Фёдоровны и Николая Анисимовича, родителей Светланы, было в старой части, в тихом сосновом бору, где согласно песне «было всё спокойненько». Там даже голосов птиц не было слышно, лишь иногда одинокие вороны нарушали тишину противным карканьем. Здесь теперь редко бывали похороны – кладбище переполнено, словно огромная коммунальная квартира. Светлана прибрала родные могилы, потом уместилась на низенькой деревянной лавочке и стала рассказывать матери о своих делах. Странно, но в России никто не удивляется, увидев на кладбище человека, разговаривающего негромко неизвестно с кем. Посидела, погоревала и пошла «на свидание» к Сергею Герцеву.

В семейной оградке Герцевых рядом с сыновьями – Сергеем и Алексеем – теперь лежали Сергей Васильевич и Елена Семёновна. Дочь Ирина давно жила в Москве, приезжала редко, а поскольку родственников у Герцевых в Верхнем не было, то Светлана добровольно взяла на себя обязанность наблюдать за могилами. Наведя порядок, Светлана положила, как и своим родителям, на могилы конфетки да печенье – поминки, да по паре гвоздичек. Присела на корточки возле могилы Сергея, так низко, словно, на колени опустилась, провела ладонью по фотографии, спрятанной за стеклом, и руку, как и много лет назад, ожгло холодом...

Любовь Светланы и Сергея Герцева расцветала трудно, словно цветок, обессиленный заморозками, однако, несмотря на это, пробился цветок тот к свету, стал прекрасным, свежим. Но военный бессмысленный вихрь в чужой стране смял его, бросил в пыль, погубил цветок-любовь.

Сергей учился в военном училище, после его окончания молодые люди хотели пожениться. Но всё вышло не так — едва получив новенькие лейтенантские погоны, Сергей оказался в Афганистане. Впрочем, не только Сер-

гей, другие офицеры тоже шли туда добровольно, выполняя свой интернациональный воинский долг. Светлана поняла его поступок: она, как и все советские люди, свято верила в правильность действий своего правительства.

В тот страшный день прощания с Сергеем, Светлана возвращалась из командировки. Отвернувшись от попутчиков, она уже который раз читала последнее письмо Сергея: «Здравствуй, любимая, здравствуй...» Он сообщил, что ему дали отпуск, и они обязательно поженятся. Наверное, он уже приехал, и Светлана представляла, как Сергей встретит её: подбежит к вагону, а она спрыгнет с вагонной подножки прямо в его распахнутые объятия. Но на заснеженном перроне стояла лишь её мать - Августа Фёдоровна. У Светланы заныло от неприятного предчувствия сердце...

- Мама, разве Серёжа ещё не приехал?

- Приехал... Поезжай к Герцевым, там тебя ждут...

Светлана не пошла к автобусной остановке, встала на кромке тротуара, выкинула призывно руку вверх, и тотчас, словно почувствовав, как она спешит, подкатила лимонная «Волга» с шашечками на боку.

Таксист подвёз девушку к самому подъезду дома **Герцевых**. Она расплатилась с ним, не ожидая сдачи, помчалась прыжками по лестнице. Перед самой дверью остановилась, глубоко вдохнула воздух, чтобы восстановить дыхание, хотела уже нажать на кнопку звонка, но дверь распахнулась, и на пороге появилась Лариса Горчакова:

- Светка! Наконец-то! - и, плача, обняла подругу. - Светка, Светка, а мы тебе телеграмму послали...

- Да что случилось-то?! - отчаянно закричала Светлана от страха, что сковал её с ног до головы.

В глубине квартиры Герцевых слышался многоголосый приглушённый говор, воздух был напоен тяжёлым и приторным запахом пихты, знакомым и ненавистным со дня похорон отца.

- Пойдём, Светочка, там наших много... - Лариса, по-прежнему обнимая подругу, повела её в ту комнату, где было всегда так уютно сидеть в

кресле, делая вид, что смотришь телевизор, а на самом деле наблюдать за Сергеем. Но сейчас в комнате было страшно от вида завешанного простыней трюмо, скопления народа (пришли все их одноклассники, жившие в Верхнем), расположенных вдоль стен пихтовых траурных венков и серебристого цинкового длинного ящика с аккуратной надписью: «Сергей Сергеевич Герцев».

- Ма-ма-а-а... - испуганно, жалобно, как ребёнок, проснувшийся в тёмной комнате, осипло, чувствуя, как немеет подбородок, прошептала Светлана. - Mamочка... - ноги девушки подкосились, и если бы не Лариса, и подскокивший к ним Андрей, муж Ларисы, она рухнула бы тут же, где стояла. Всё вокруг почернело, поплыло куда-то вбок, и Светлана провалилась в глубокий, жутко холодный обрыв.

Очнулась она от лёгкого похлопывания по щекам и резкого запаха нашатыря. Кто-то судорожно сжимал её плечи, и она глянула: кто? Увидела Елену Семёновну, мать Сергея, ткнулась лицом в её грудь и заплакала совсем по-детски, всхлипывая, не в силах остановиться. Елена Семёновна гладила девушку по спине и приговаривала еле слышно:

- Поплачь, моя девочка, поплачь... Серёжа-то наш... - и тоже заплакала беззвучно, лишь крупная дрожь пробегала по телу, видимо, голоса у Елены Семёновны от безудержной скорби и тоски уже не было.

Отзвучала заунывная музыка. Она переворачивала душу, которую саднило, словно раненую плоть. Оркестранты первыми пошли прочь от заваленной венками могилы: чужие люди, привыкшие к своей работе. Светлане хотелось остаться одной, поговорить, глядя на фотографию, с которой, улыбаясь, смотрел Сергей. Он всегда был рядом с ней - живой, энергичный, веселый и сильный, надёжный, иным она и представить его не могла, вот и на фотографии - улыбчивое, бесконечно родное лицо. Сейчас он смотрит ей в глаза: «Веришь?»

- Не верю, - шевельнулись губы Светланы. - Где ты? Ты - живой, я письмо твое получила, ты едешь ко мне... – Светлана прикоснулась пальцами

к портрету и резко отдернула руку: жутким холодом веяло от стекла, которым было отгорожено лицо Сергея... И так было всегда, даже летом, когда она прикасалась к его фотографии на памятнике...

Очнувшись от воспоминаний, Светлана собрала инструменты, сложила их в ведро отправилась к погосту Горчаковых.

Горчаковский «склеп»-ограда находился в новой части кладбища – бетонный прямоугольник, облицованный кафельной «мраморной» плиткой, внутри которого покоился Максим Горчаков, младший сын Горчаковых. Там же были похоронены Валентин Есипов и его дед - Валентин Михайлович Осипов. Бабушка Вальки, Надежда Игнатьевна, покоилась на одном из Екатеринбургским кладбищ. Где Виктория, мать Вальки, Светлана не знала, это никому было неизвестно. А Валька, который пошёл по стопам деда-офицера, женился на Марине Горчаковой сразу же, как окончил военное училище.

- Надо же, какая у нас с Маринкой судьба схожая... - вздохнула Светлана. - Любимые наши погибли... Один в Афгане, другой — в Чечне. Только Валя с Мариной поженились, а мы с Серёжей — нет. И стала я Никишиной... - тут мысли Светланы «умолкли» - замужество Светланы оказалось несчастливим, завершилось разводом, и женщина не любила о том вспоминать. Бывший муж уехал, а она одна растила двоих сыновей — Алёшу и Володю. Алёша позднее оказался свидетелем смерти Валентина Есипова, и это практически сроднило Горчаковых и Никишиных.

... Валентин Есипов служил в инженерных войсках, поэтому для него была естественной командировка в Чечню, где сапёрам работы было видимо-невидимо. В Чечне Валентин и встретился с Алёшей Никишиным.

Алёша был личным водителем командира части, к которой прикомандировали Есипова, и он договорился с командиром, чтобы сержанта Никишина прикрепили к его группе. Валентин часто усаживал его за рычаги, и Лёшка быстро научился лихо водить танк – у него были немалые технические способности. Однажды Валентин сказал:

- Слышь, Лёха, мы с тобой через неделю уезжаем.

- Куда это? – поинтересовался равнодушно Алёша: привык к переездам – группа выполнит задание, и её перебрасывают дальше, потому командировка Валентина длилась уже четыре месяца.

- Домой. Я тут с майором Нигматуллиным похлопотал, и тебя переводят в мою часть, будешь свои «сто дней до приказа» дослуживать там. К нам с Мариной её мать приехала, так что весело будет. Дембельнёшься, поживёшь у нас недельку, встретим вместе новый год.

- Не, я сразу домой! А это здорово, что я с тобой уеду – надоело тут до чертей полосатых. «А я в Россию домой хочу! Я так давно не видел маму!» - пропел Алёша. – Не-е, я домой!

- Лёш, знаешь, я как-то привык к тебе, такое чувство, словно ты – мой младший брат.

Алексей захохотал:

- Не, Валь, мой папашка возле твоей матери отметиться не мог, он тогда дома жил, в командировки не ездил.

- Балбес ты, Лёшка, не то, что Вовка ваш – тот серьёзный парень. А ты – бабалол!

- Зато со мной весело! – авторитетно заявил Алёша и вновь отказался: - Не, дембельнись – сразу домой!

- Знаешь, какие торты замечательные Марина печёт! – попробовал Валентин по-иному заманить Лёшку-сладкоежку пожить у них. – Мы когда поженились, Маринка ничего не умела делать. Так она записалась на курсы домоводства и каждый вечер туда ездила чуть ли не год. Главное, я ужин приготовлю, а она приедет да ещё и критикует – не так сделал, не то в суп положил.

- Знакомая история, - заулыбался Алёша, - маманечка наша тоже не очень-то любит у плиты стоять. Быстренько что-нибудь сварганит, а сама по делам куда-нибудь умчится. Я хотел после девятого класса в кулинарный техникум поступить, похавать, честно говоря, люблю. А мама не пустила, сказала, что нечего учиться вдали от дома, пока мозги на место не встали. Не

слабо, а? Можно подумать, что мои мозги не на месте! – возмутился Алёша.

- Да не ерепенься ты, - урезонил его Валентин, - Светлана Николаевна – очень хороший человек, она мне из всех наших «общих родителей» больше всех нравится.

Алёша смолк, вспомнив, как друзья матери и в самом деле сообща воспитывали своих чад. Оленьков однажды выпорол его за то, что явился домой в полночь, а мать очень переживала, обзвонила всех знакомых, спрашивая, не у них ли сын задержался. Естественно, все прибежали к ним в дом, и когда Лёшка пришёл домой – он с ребятами ездил, не предупредив мать, на Карасёвы озера рыбачить, то Оленьков не дал раскудахтаться «тётям». Ни слова не говоря, он за руку вывел его из комнаты в кухню, закрыл плотно дверь, выдернул ремень из брюк, бросил его на колени и врезал очень чувствительно по мягкому месту. Да ещё и предупредил: «Попробуй вякни, получишь ещё больше, придурок несчастный – мать тут вся извелась из-за тебя! Вы с Вовкой оберегать её должны, она же всё здоровье на вас ухайдакает скоро, нервная стала, а ты такие коники выкидываешь! Марш извиняться!» И Алёшка, стиснув зубы, вытерпел экзекуцию, но на Оленькова не обиделся, потому что знал: случись с ним беда, дядя Игорь Оленьков первым придёт на помощь - «бешники», то есть выпускники десятого «Б», были очень дружны. Алёшке иной раз даже завидно было — в его классе такой дружбы и привязанности друг к другу не было.

- Ну, Лёш, чего смолк? Встретишь новый год у нас?

- Не, домой поеду, извини, Валя: по маме очень соскучился. Да и племянница у меня родилась: Вовкина дочь.

- И моя Маринка тоже должна родить. Хоть бы успеть к её родам, знаешь, как я сам хочу сына из роддома забрать! Но ничего, через три дня мы уезжаем к Камиллю, а потом в Грозный, так что успею.

- А почему думаешь, что пацан будет?

- УЗИ показало, да я и сам сына хочу. Будем с ним на рыбалку ходить, как я с дедом ходил. В цирк его буду водить, игрушки у него будут самые

лучшие, велосипед ему и себе куплю, будем в лес ездить. Ну вот и наш кабриолет, поехали!

И оба нырнули в танк.

К вечеру траление было завершено, оставалось пройтись разок по полю для гарантии – уж больно много они насобирали разных мин – противопехотных и противотанковых. Так устали, что решили «улов» взорвать на следующий день, потому и на базу не стали возвращаться, решили с утрачка завершить всю работу, потому заночевали на блокпосту.

Утром, едва рассвело, Есипов разбудил свою команду. Быстро позавтракали и взялись за работу. Эта страшная работа сроднила сержантов с командиром: старлей всегда сам брался за самое трудное. Майор Нигматуллин, когда они работали возле его комендатуры, сказал, что обязательно представит Есипова к знаку «За разминирование». И сержанты не обиделись: старлей и в самом деле – настоящий работяга-сапёр.

С тралением справились быстро, порадовались, что накануне чисто поработали. Оставалось произвести подрыв, и они могли уезжать.

Никишин остановил танк неподалёку от КП блокпоста. Валентин вылез из машины, уселся на броне, смотрел, как, хохоча, его бойцы шли к казарме – время-то обеденное, да и посмеяться не грех: четыре месяца страшной работы, от которой можно поседеть, миновали. Алёша открыл люк водителя, глянул весёлыми глазами на Валентина:

- Ну что, командир, айда обедать?

К ним подошёл командир блокпоста:

- Валь, протраль участок вдоль «бээмпешек», так, для спокойствия совести.

- Есть, сделаем! Лёха, вылазь, я сейчас – пять минут, и готово!

Алёша не возражал – устал, хотя и в самом деле просто «катались» по чистому полю, таская за собой трал, в который так ничего и не попало. Он вылез из танка и отошёл в сторону, уселся на снарядный ящик и стал наблюдать за работой командира.

Валентин лихо проехался туда-сюда (никакого «улова» Алёша в трале не увидел) и остановил машину в одном ряду с БМП, возле которых работали люди. Вылез из танка, спрыгнул на землю, притопнул ногой, шутливо попинал катки, словно шины автомобиля, и пошёл к Алёше по тому участку, который только что протралил. Шёл, улыбаясь, полный уверенности, что всё в порядке, но успел пройти лишь несколько метров, как взметнулась земля: оглушительный взрыв ударил по ушам.

- Валька! – отчаянно закричал Алёша, увидев, как взрывная волна подбросила Валентина вверх и со страшной силой бросила оземь.

Последнее, что увидел Валентин – белое-белое облако над головой, и где-то, далеко-далеко, за тем облаком, громко заплакал ребенок, и женский голос произнёс восхищённо: «Ну, мамочка, и богатырь у вас родился...»

- Марина... - прошептал Валентин. И умер.

Алёша вскочил с ящика и бросился к другу, рядом свистнул шальной осколок, срикошетивший от брони одного из БМП. Кровь потекла из рукава куртки, бойцы, мимо которых он пробежал, тоже были в крови. От КП неслась пёстро-зелёная волна. Но Алёша ничего не видел и не слышал, не чувствовал и боли в руке. Он склонился над Валентином, осторожно положил его голову себе на колени и заплакал. Горячие слёзы лились на ещё тёплое, но уже мёртвое лицо Валентина, который смотрел в небо, и улыбка застыла на его губах.

Валентин Есипов вернулся в свою часть на третий день. Его доставили пять сержантов. Четверых в части знали, пятый был незнаком. Но после представления документов командиру тоже стал своим - его звали Алексей Никишин, тот самый, приказ о переводе которого поступил в часть неделю назад.

Гроб с телом старшего лейтенанта Есипова поставили на сцене клуба части. Был приспущен российский флаг, стояли в почётном карауле солдаты. Но на городском кладбище не появилась новая могила: Горчаков, узнав, что

зять погиб, тут же вылетел к дочери вместе с Валентином Михайловичем - Валькиным дедом. И вечером дня прощания Валентин продолжил свой путь в спецвагоне в город Верхний. Вместе с ним ехали дед и друг. Горчаковы и Марина с сыном Валечкой улетели в Екатеринбург днём позднее. Марина не спускала сына с рук, словно боялась, что он тоже исчезнет, что-нибудь с ним случится. Но малыш родился крепким, он спокойно спал на руках матери. А Лариса, глядя на дочь и внука, вдруг подумала, что когда-то такое уже было – гроб с телом, привезённый издалека, плач родных и каменное от горя лицо его любимой девушки... «Господи, да что это со мной? – и озарило: Серёжка Герцев и Светка. - Всё повторилось, но уже с другими людьми... Это – Валя и Марина... Это – мои дети. Господи, за что?!!» – она чуть не забилась в истерику, но, сидящий рядом Андрей, крепко стиснул её руку, и Лариса по его взгляду поняла, что муж подумал о том же самом, что и она.

- Тихо-тихо... - прошептал Андрей. – У Марины есть сын, Валентин оставил свой живой след на земле. И нам надо думать о маленьком Валентине...

Светлана медленно брела между могил и вдруг остановилась: за бетонным парапетом увидела женщину в чёрном длинном платье и чёрном платке. Она стояла на коленях перед могилой Валентина Михайловича, кланяясь и крестясь. Затем села на скамью возле мраморного столика, склонила голову на руки и застыла. Вся фигура чёрной незнакомки излучала невыразимую скорбь.

Светлана вошла внутрь «загороди» и тихо, но строго, спросила:

- Что вы тут делаете?

Та подняла голову и Светлана от неожиданности сделала шаг назад: на неё смотрели до сих пор красивые глаза Виктории Осиповой, её одноклассницы и матери Вальки Есипова. Лицо Виктории не претерпело изменений – результат «пластики», и не будь её лицо омоложено, Светлана могла бы и не узнать свою школьную соперницу. А та узнала её сразу:

- А, Рябинина, это ты...

- Что ты здесь делаешь? – теперь уже резко и громко спросила Светлана Осипову.

- Не кричи, - укорила её Виктория, - это тебе не стадион.

- Что ты здесь делаешь? – не обращая внимания на издёвку, требовательно повторила свой вопрос Светлана.

- Я пришла к сыну, - тихо сказала Виктория.

- Ты? К сыну?! – чуть не задохнулась от гнева Светлана. – Да он больше мой сын, чем твой?

- Рябинина, оставь свои поправки при себе, - тоже раздражённо и резко ответила Виктория, - ты мне не указ! – но тут же спохватилась и попросила: - Свет, садись, давай поговорим спокойно, поверь, мне это очень нужно. И если не брезгуешь, подели со мной мою трапезу.

Светлана была так изумлена словами Виктории, что присела рядом с ней. А та достала из обычного школьного рюкзака с широкими лямками бутылку минеральной воды, упаковку одноразовых стаканчиков и пакет с буханкой хлеба, отделила от упаковки два стаканчика, налила в них воду, отрезала по куску хлеба, посолила ломти. Светлана молча смотрела на неё во все глаза, но не выдержала и «подколола»:

- А чего это ты... такая? В монашки подалась?

- Нет, я пока не монахиня, просто это теперь – моя жизнь.

- Ну и как же ты до неё докатилась, - не унималась Светлана. – Насколько я знаю, ты замужем за банкиром, небось на столе не только минералка с чёрным хлебом стояли.

- Рябинина, и как тебя, такую язву, прости меня, Господи, Сергей Герцев полюбил? – взъерошилась Виктория. И вдруг погрузилась: - Там много чего стояло, и жила я сладко, как тебе и не снилось, а вот, не поверишь, я тебе завидую. У тебя двое сыновей выросли, а у меня – никого на всём белом свете нет. Вот они, мои родные, - она показала на могилы отца и Валентина-младшего. - Даже Долли, моя болонка, и то умерла. И это мне за то, что мно-

го зла другим принесла, я ведь и тебе зло хотела сделать. Ты прости меня за это, я уж позднее поняла, что навредила тебе. А из вас, наверное, хорошая, пара с Герцевым получилась, да?

Светлане стало жаль одноклассницу и стыдно, что так враждебно отнеслась к Виктории, и произнесла:

- Нет, пара семейная из нас не получилась. Мы хотели пожениться, когда Серёжа окончит военное училище, а его сразу отправили в Афганистан. Погиб Серёжа... Замуж я вышла за другого, у меня двое сыновей, - она почувствовала, что сейчас разрыдается, и быстро спросила: - А что случилось с тобой? Если можешь – расскажи, а нет – не надо.

- А и расскажу! – с задором и даже вызовом кому-то произнесла Виктория и начала рассказывать. – Значит, так. Когда я отказалась кормить Эдика – так его назвала женщина, которая воспитала моего первого малыша...

- Вика, я знаю про это, - тихо сказала Светлана. Виктория сразу после школы вышла замуж за офицера, который служил в части её отца. Своего сына-первенца она отказалась кормить грудью, и её муж развёлся с Викторией, женился на женщине, которая в роддоме кормила его сына. – Не бери себе душу.

- Откуда знаешь? А, ну да... Тебе, наверное, Кострова рассказала, мы с ней в один день рожали. Она как, живёт со своим Горчаковым? - и тут до неё дошло, что Рябинина назвала её по имени, и воскликнула растроганно: - Ой, как ты хорошо сказала – Вика... А в классе меня Осиповой да Инфантой звали – ты же мне такое прозвище прилепила! – в её голосе прозвучало возмущение.

- Извини, - улыбнулась Светлана, и в её улыбке была доброжелательность.

Виктория тоже «остыла» и продолжила свой рассказ:

- В общем, привезли меня родители домой, и папа мне говорит: «Живи дома, не гоню, но больше ты от меня помощи не получишь. А не гоню потому, так как я виноват, что из тебя такая дрянь получилась – шёл у матери на

поводу, которая над тобой сюсюкала». Ну, я, конечно, на дыбы, дескать, и без вас проживу, и поехала в Свердловск. Там поступила в медицинское училище. Жила в общежитии. Ну, училась я в школе, ты же знаешь, хорошо, знания были, так что я не отставала от других, хотя практически не бывала в общежитии, а чаще пропадала на танцах, да в кафе бегала: всё жениха завидного искала. И нашла – красивый, элегантный, умный, обходительный, вежливый – сын главного инженера «Уралмаша», учится в МГИМО, приехал к родителям на каникулы. Я, естественно, представилась, как дочь одного из высокопоставленного работника обкома. Тогда же чинушсы не окружали себя охраной, так что он поверил. Чтобы его посильнее привязать к себе, забеременела, ну ты же знаешь про периоды, можно и подгадать срок, когда можно забеременеть. Объявила ему. А тот: «Это твои проблемы, а мне дети пока не нужны, и вообще жениться рано». Вот тут и выяснилось, что родители его – простые рабочие на том же «Уралмаше», потому он всё хорошо знал про завод. Просто он оказался стрелком богатых невест, как я – выгодных женихов. И знаешь, мне бы тогда догадаться, что за всё платить надо, что Бог за всеми нами следит, что благосклонно даёт возможность исправить свою ошибку. А не догадалась. Понимаешь, липового «дипломата» звали Эдуардом, как и моего первого сына. Вот сейчас думаю: это был знак – не грехи дальше. Ну а я... В общем, тут мама приехала, я ей всё рассказала, и она посоветовала, чтобы я рожала, впрочем, я и без неё решила рожать, потому что аборт у меня уже был, и было так больно, что уж лучше родить – Эдика-то я быстро и легко родила...

Виктория замолчала. Светлана молча ожидала дальнейшего рассказа. И дождалась.

... Осипову попросили уйти из общежития, едва беременность стала заметна. Пришлось снять квартиру, благо Надежда Игнатьевна не жалела для дочери денег. Она была ярким примером фанатичной любви к своему ребёнку, когда для матери ребёнок – один свет в оконце. И никогда не обмолвилась Валентину Михайловичу, что где-то живёт их внук.

Едва оправившись от родов, Виктория вновь пустилась на поиски выгодного мужа, но вскоре убедилась, что среди молодых людей такого найти трудно: её ровесники находили жён в своей гламурной среде, хотя и «шалили» с девчонками из низов. Одного такого «шалуна» Виктория решила использовать в своих целях, потому что решила найти мужа среди материально обеспеченных мужчин старше себя раза в два. У неё много было друзей среди богатеньких юнцов, но никого уже она не допускала к «телу», искусно уходя от постельного завершения романа. А с будущим «сватом» решила дать слабину, но с условием: удовлетворить его желание только после свадьбы с будущим мужем. Парень, добываясь близости, был честен с Викторией, сразу сказал, что жениться не собирается, но Виктория ему очень нравится, и он был бы очень рад... Тогда она и заключила с ним «договор». И однажды «сват» привёл её на приём, устроенный первым секретарём обкома в связи со своим юбилеем. А поскольку отец «свата» работал начальником одного из отделов обкома, то был приглашён на торжество. Сынок уговорил взять его с собой вместе с девушкой - они учились вместе в школе, пусть, дескать, «Золушка» посмотрит, как люди живут. Отец согласился – на приёме приглашённые будут с семьями, а он желал пристроить сыночка в хорошую семью. А конкретно – женить его на племяннице заместителя директора Свердловского отделения Сбербанка, которую заботливый дядюшка воспитывал, словно родную дочь, и, по слухам, тоже должен был «вывести» в свет.

Фёдор Сергеевич и в самом деле прибыл на приём со своей юной племянницей: он был вдовец. И отец «шалуна» представил ему сыночка, который послушно тут же взял под свою опеку в течение вечера племянницу Фёдора Сергеевича, не забыв представить и свою «одноклассницу».

Виктория обладала природным шармом, была умным собеседником, поэтому восхитила Фёдора Степановича с первых минут, и весь вечер они беседовали, сидя в креслах в стороне от торжества. Расстались очень довольные друг другом, только Фёдор Сергеевич уехал на своей машине, а Виктория добиралась домой в пустом трамвае.

Месяц она не появлялась на привычных тусовках, ожидая развития дальнейших событий. Наконец решив, что «стрела» в цель не попала, отправилась в кафе, где чаще всего бывал её «шалун-сват». И сразу увидела его, сидящим за столиком с племянницей Фёдора Сергеевича, выходит, его дело сладилось. И он увидел Викторию и тут же вскочил с места, предложил сесть за их столик, с ходу зашептал:

- Ты куда запропастилась? Фёдор Сергеевич мне надоел уже с просьбой тебя разыскать. А как я тебя разыщу, если знаю только имя? И телефон свой ты мне не давала.

Виктория устроилась за их столиком и перехватила ревнивый взгляд племянницы Фёдора Сергеевича, и ответила насмешливым взором: «Девочка думает, что у нас роман, ну и пусть думает, глядишь, быстрее сведёт меня с дядюшкой». И девочка сразу же оправдала надежды Виктории:

- А дядя про вас у Олежека спрашивал, а тот почему-то молчит, как разведчик.

- И что же Фёдор Сергеевич про меня говорит? – Виктория лукаво посмотрела сначала на девушку потом на Олежека.

- Что вы очень красивая и умная, что в наше время среди молодых людей – редкость.

- А вас он, какой считает? – и посмотрела пристально в чистые глаза девушки.

- Умной... - тихо ответила та.

- И зря, вы, по-моему, очень симпатичная, а если над вами поработает хороший визажист, вы будете красавицей. Хотите, помогу?

Девушка кивнула.

- Ну, вот и славно, - у Виктории всё запело внутри, - вы приезжайте ко мне, и мы поэспериментируем над вашей внешностью, - она попросила у официанта авторучку и написала на бумажной салфетке свой адрес. – Приезжайте, когда вам будет угодно, а мне, извините, надо уйти.

Вернувшись в свою квартирку, Виктория прибралась и стала ждать. Лизонька, так звали суженую Олежека, приехала на следующий день, и Виктория старательно поработала над лицом девушки – наложила тени, подкрасила глаза, по-иному вывела рисунок губ, и лицо, в самом деле, стало очень красивым, хотя и без макияжа Лизонька была не дурнушка. Благодарная девушка умчалась на свидание с Олежеком, она, вероятно, искренне увлеклась молодым человеком. Девушка смотрела на Викторину чистыми, счастливыми, ласковыми глазами, и Виктория мысленно пожелала ей счастья, потому что сразу поняла: Олежек ей, совсем ещё не испорченной душевно, не пара.

Девушка умчалась, а Виктория осталась ждать своего счастья. И оно не замедлило: через неделю в её маленькую квартирку приехал Фёдор Сергеевич и без лишних объяснений в любви предложил ей стать его женой. Виктория не стала жеманиться и искушать судьбу – сразу согласилась. Свадьбу они играть не стали, просто зарегистрировали брак, скромно, по-будничному, отметили событие в одном из ресторанов, где присутствовали несколько друзей Фёдора Сергеевича с жёнами. Одеты они были неплохо, но Виктория в своем белом платье, которое жених (тогда ещё не наступило время олигархов, за просто летавших в Париж на обед) привёз из Москвы, выглядела царицей на фоне стареющих спутниц чиновников и финансистов. Она светила неподдельным счастьем, и дамы, глядевшие сначала на неё подозрительно, потеплели взглядами. Вскоре сыграли свадьбу Лизоньки и Олежека – пышную, роскошную и многолюдную. И молодая чета отбыла в Москву, потому что Олежек оказался вполне умным парнем, он и впрямь неплохо учился в МГИМО, потому получил назначение в министерство внутренних дел. Перед отъездом Олежек всё же напомнил об уговоре: если он поможет Виктории выгодно выйти замуж, то... Виктории хотелось показать Олежеку красивую фигу, но лишь ласково пропела: «Дорогой мой, мы ведь теперь родственники, как можно?» Олежек беспечно улыбнулся в ответ, но в его глазах, однако, мелькнула досада.

Так пролетело более десяти лет. Виктория жила в полном достатке, была довольна мужем, а он доволен молодой женой. Уважая чувства мужа, Виктория никогда ему не изменяла, да и не было нужды: разница между ними была в четверть века, но Фёдор Сергеевич поддерживал физическую форму, был вполне дееспособен, как мужчина, так что на пару любовных утех в неделю его очень даже хватало. Детей у них не было: Фёдор Сергеевич уже вырастил троих сыновей, и больше наследников не хотел иметь, что совпадало и с желанием Виктории, которая до сих пор обладала по-девичьи тонкой талией, хотя прочие места уже приятно округлились. Словом, отсутствие детей ей заменила болонка Долли, с которой Виктория не расставалась и ночью: собачонка спала у неё под боком. И вдруг пришла беда...

- Сейчас я думаю, что это было новое Божие предупреждение подумать о своей душе, - продолжала исповедоваться Виктория. – Открываю однажды дверь, а на пороге стоит Настя Веселова. Оказалось, что она искала мать одного своего детдомовца, и нашла. Меня. И что интересно, не ошиблась, потому что я, кретинка, - досада всё же прорвалась в голосе Виктории, - вместо того, чтобы оставить сына безымянным в роддоме, записала его Валентином Есиповым! Ну, а дальше ты знаешь. Настя всё рассказала папе, тот, конечно, без всяких проверок принял Валентина. А мама – нет, она приехала ко мне.

...А в стране уже наступили великие перемены, и Фёдор Сергеевич был уже не государственным служащим, а владельцем собственного банка. Выйдя на пенсию, он вместе со старшими сыновьями образовал новый банк, который работал успешно, приносил ощутимую прибыль, словом, муж Виктории стал уральским финансовым олигархом. Когда сыновья стали уверенно вести дела, он отошёл в сторону, хотя и оставался председателем совета директоров.

Его капитал не зависел от капитала детей, он мог распоряжаться им по своему усмотрению, потому за три года до появления Насти Веселовой на пороге их квартиры, Фёдор Сергеевич побывал с Викторией во многих зарубежных странах. Раньше, занятый делами в банке, он не мог позволить себе

такого праздного времяпрепровождения. Причём, он не рвался оказаться там, где много российских туристов – Турция, Таиланд, Канары... Его интересовали те страны, где когда-то зарождалась человеческая цивилизация, потому они путешествовали по Индии, были в Китае, Испании, в индейских странах Южной Америки. А однажды Фёдор Сергеевич выдумал, как герой Жюль Верна, совершить кругосветное путешествие, но не за восемьдесят дней, а хотя бы за полгода, чтобы как можно больше узнать о незнакомых странах. И ведь они совершили такое путешествие! В пути Фёдор Сергеевич трогательно за ней ухаживал, зажигал её своим неподдельным интересом ко всему, что было вокруг, и это путешествие словно вернуло обоих в первый медовый месяц, который они провели во Франции. Как тогда, бродили по городам, где останавливались, и муж постоянно всё запечатлевал, но не стареньким «Зенитом», а видеокамерой. Она же не расставалась с цифровым фотоаппаратом. Мужчины заглядывались на Викторию, а Фёдор Сергеевич, казалось, помолодел лет на двадцать – столько было в нём энергии в том путешествии, даже не верилось, что год назад он перенёс инфаркт. Они вернулись очень довольные своим путешествием, и тут...

Надежда Игнатьевна приехала неожиданно, рассказала о том, что Валентин теперь живёт у них, дед в нём души не чает, и она решила уехать. Виктория дёрнула недовольно носом, вот ещё – приехала, вдруг муж рассердится! Но Фёдор Сергеевич не рассердился. На возражение жены ответил, что в их огромной двухуровневой восьмикомнатной квартире – пять комнат на верхнем уровне и три на нижнем - есть место для домработницы и шофёра, так тем более найдётся свободная комната и для её матери.

Надежда Игнатьевна, всегда несколько придавленная командирским авторитетом мужа, в доме дочери стала вести себя свободно, раскованно, казалось, даже помолодела: черты её красивого лица расслабились, стали мягче. Вечерами они собирались в верхнем холле, смотрели телевизор или играли в лото, и оказалось, что Фёдор Сергеевич – азартный игрок. Виктория хотела сложить обязанности домработницы на мать, но муж этого не позволил,

однако Надежда Игнатьевна, привыкшая поддерживать порядок в доме своими руками, сама решила помогать домработнице Глафире и быстро с ней подружилась. У них даже началось нечто соревнования - кто лучше приготовит еду. И если Глафира бесподобно готовила щи и борщ, то Надежда Игнатьевна превосходила её по супам. Глафире удавались большие пироги, а Надежда Игнатьевна мастерски пекла маленькие пирожки. После ужина обе усаживались в кухне и подолгу пили чай, иногда к ним присоединялся водитель, и всё чаще к ним спускался Фёдор Сергеевич, засиживаясь внизу до поздна. И вообще Виктория стала замечать, что муж охотнее проводит время с матерью, чем с ней. Разница в возрасте у них была небольшая, и оба уже больше жили воспоминаниями, чем настоящей жизнью. Сидя перед телевизором, бурно обсуждали мировые события, телесериалы или просто подолгу беседовали. Каждый вечер оба с большим удовольствием прогуливались в парке неподалёку от их дома. Но при этом Фёдор Сергеевич был по-прежнему предупредителен по отношению к жене, так же целовал её по утрам. И всё-таки ревность начала ворочаться в груди у Виктории: муж явно симпатизирует её матери, а она – ему. Вот тебе и зять с тещей!

Прислуга располагалась внизу, а хозяева – на верхнем уровне. Надежда Игнатьевна жила в гостевой комнате, а у Виктории с мужем были отдельные спальни, соединённые внутренней дверью. В первые годы супружеской жизни, Фёдор Сергеевич редко пользовался своей спальней, лишь, когда поздно возвращался с работы, ложился там, чтобы не беспокоить Викторию. А теперь он укладывался рядом с женой редко, объясняя это тем, что нужно поработать в кабинете, куда можно было пройти из его спальни. В общем-то, в таком объяснении не было ничего непривычного – муж и раньше подолгу работал там, а сейчас - тем более, потому что писал книгу воспоминаний. Странно было то, что Фёдор Сергеевич перестал читать ей написанные главы, зато охотно читал их теще.

Однажды Виктория не дождалась «гулён», когда поднимутся наверх. Она легла спать, но дверь спальни оставила открытой: часто так делала, ко-

гда была в квартире одна, чтобы можно было смотреть кино – огромный экран домашнего кинотеатра ей хорошо был виден. И она засыпала под экранное бормотание. Муж часто выключал этот телевизор сам. А в этот раз шла комедия, и сон пропал, Виктория часто приглушённо смеялась. Послышались шаги: муж и мать возвращались с кухонных посиделок. Они остановились, загородив экран, и Виктория хотела сказать об этом, но услышала:

- Доброй ночи, Фёдор Сергеевич, - произнесла мать, и в голосе её прозвучала особенная, какая-то ласковая нотка, которая никогда не слышалась при таком же пожелании отцу.

- И вам, Надежда Игнатьевна, тоже, - ответил Фёдор Сергеевич и, нагнувшись, поцеловал её руку.

Мать резко отдернула руку и тут же пропала из поля видимости. Громко хлопнувшая дверь гостевой комнаты оповестила, что Надежда Игнатьевна в панике сбежала от зятя. Виктория затаилась, ожидая, что произойдёт дальше. Но ничего не произошло. Как всегда, муж заглянул в дверь, спросил: «Солнышко, ты спишь?» - не дождавшись ответа, выключил телевизор и зашёл в свою спальню со стороны холла. А Викторину обуяла такая злоба, что впору бежать к матери или мужу и закатить им скандал.

Утром после завтрака Фёдор Сергеевич уехал в банк на совещание, Глафира с водителем отправились в супермаркет, а мать и дочь остались вдвоём. Надежда Игнатьевна возилась на кухне, когда Виктория спустилась к ней.

- Кофе приготовить? – спросила, улыбнувшись, мать.

Виктория села за стол и тихо спросила:

- Ты чего это, Надежда Игнатьевна, себе позволяешь?

- Чего я позволяю? – опять улыбнулась по-доброму мать: такая улыбка в последнее время не сходила с её лица.

- А то, что пашни с моим мужем завела.

Надежда Игнатьевна широко распахнула в изумлении карие, такие же, как у Виктории, глаза:

- Господь с тобой, какие шашни? – пролепетала она.

- А такие, что постоянно любезничаешь с ним, до того уже дошло, что он тебе ручки целует, а, может, уже с зятем и до другого дошло, а, мамочка моя родненькая?

Надежда Игнатьевна поняла, о чём ведёт речь ненаглядная доченька, густо покраснела и стала медленно оседать на пол кухни. Перепуганная Виктория немедленно вызвала «скорую», мать увезли с подозрением на insult.

Фёдор Сергеевич, вернувшись домой и, узнав, что случилось с Надеждой Игнатьевной, побледнел, и тут же помчался в больницу.

Надежда Игнатьевна находилась в больнице месяц, но улучшения особого не было: она лежала без движения, не вернулась и речь. И тогда Фёдор Сергеевич принял решение, несмотря на протест Виктории, привезти её домой. Он нашёл сиделку, которая согласилась жить у них, и поселил её в нижней гостевой комнате, а Глафиру перевёл наверх в комнату Надежды Игнатьевны, а больную переместил в комнату Глафиры.

Викторию раздражали запахи лекарства и присутствие в доме чужого человека. Она заходила ежедневно в комнату матери, присаживалась минут на пять рядом с кроватью, говорила ей какие-то пустые, ничего не значащие слова, и уходила, ни разу не поправив постель больной, не погладив её руки. А мать смотрела на дочь, шевелила губами, пыталась что-то сказать, но не могла, и потому беззвучно плакала. Зато зять подолгу сидел в комнате больной, читая ей то свою книгу, то книги других авторов. Он собрал консилиум лучших неврологов города, их вердикт был неутешителен: больная угасает, insult задел жизненно важные области мозга. Фёдор Сергеевич от переживаний похудел и почернел, разом на его лице отразился его истинный возраст – семьдесят лет. С Викторией он разговаривал урывками и так нехотя, что та стала подозревать: мать как-то сумела рассказать об их последнем разговоре, который «уложил» её в постель. А Фёдор Сергеевич ничего не подозревал, он просто переживал из-за женщины, неожиданно ставшей для него дороже жены. Он не разлюбил Викторию, но не видел уже в ней желанную женщину,

он видел в ней дочь. А вот с Надеждой Игнатьевной он мечтал встретить старость, однако ничем не выдавал своих тёплых чувств к ней, зная, что та не сможет ему ответить тем же из-за любви к дочери. Ах, как он жалел, что не встретился с этой женщиной раньше: они понимали друг друга с полуслова, им было приятно вдвоём даже молчать. Но не знал Фёдор Сергеевич, что люди с годами меняются, и, может быть, Надежда Игнатьевна лет десять-двадцать назад ему бы и не понравилась, но свято верил – понравилась бы, и жалел о несостоявшейся ранее встрече.

Похоронили Надежду Игнатьевну на престижном кладбище. После похорон Фёдор Сергеевич уехал в загородный дом к старшему сыну.

Виктория осталась в квартире одна. Сначала горевала о матери, а потом боль душевная утихла: не умела Виктория печалиться о других. Позвонила мужу, спросила, в чём дело, почему не возвращается. Фёдор Сергеевич ответил, что в ближайшее время не намерен этого делать. Тогда она поехала сама к нему.

Фёдор Сергеевич за эти дни постарел, но не сгорбил, хотя седины добавилось, вернее, голова побелела совсем. Он сказал, что ему здесь лучше – воздух чище, а Виктория, если хочет, пусть живёт в городской квартире. Нет, Фёдор Сергеевич не гневался на Викторю, всё-таки они жили долгое время дружно, просто понял, когда познакомился с Надеждой Игнатьевной, что сделал ошибку, женившись на женщине, младше себя на тридцать лет. Конечно, гордился женой, нос задирал, когда мужики оглядывались на Викторю, чуть шеи не ломая. В общем-то, Виктория была неплохой женой, заботливой и ласковой, ему с ней было хорошо, потому что её молодость не давала ему стариться, но возраст, возраст... Он действовал не столько на его тело, сколько на мировоззрение: они с Викторией думали по-разному, смотрели на мир по-иному, а он этого не замечал. Она смеялась над тем, что ему не казалось смешным, он читал ей свою книгу, а она украдкой зевала, да и вообще разное у них было чтиво.

Конечно, Фёдор Сергеевич не был святым, пожалуй, даже жёстким, иной раз и безжалостным в делах, но ему было жаль человека, если тот попадал в беду, а она спокойно резюмировала: сам виноват. Он с уважением относился к Глафире, хотя и не фамильярничал с домработницей, а Виктория смотрела на неё свысока. Фёдор Сергеевич понял это, когда приехала Надежда Игнатьевна. Удивительное дело, как созвучны были его мысли с этой женщиной, как одинаков взгляд на мир, если не связывать его с бизнесом и отношением к тем, кто правит страной, словом, их души работали на одной «волне». Она - первая из женщин, которые были рядом с ним, заинтересовалась его делами, видела, когда он раздражён, и участливо спрашивала, в чём дело, чего никогда не делала жена. И он объяснял, хотя Надежда Игнатьевна совершенно «ни бельме» в финансовых вопросах, а слово «бизнес» было для неё настоящей страшилкой, поскольку искренне считала: все богатые люди трудиться не умеют, они просто обирают разными способами народ. Нет, он в неё не влюбился, как считала Виктория (заметил это по её злым взглядам на мать) просто впервые понял, что такое – настоящий друг, которому можно поведать абсолютно всё, даже доверить тайну, и тот ничего не потребует взамен. А Виктория дружить не умела, она во всём искала личную выгоду.

Фёдор Сергеевич прекрасно понимал, что девушка выходила за него замуж не от великой любви, а просто видела в его лице гарантию личного благополучия. Оба знали, что совершают выгодную сделку, и ничего более, всё шло «баш на баш». Он давал ей богатую жизнь, а она – возможность гордиться своим приобретением, и в самом деле некоторые его приятели завидовали красоте Виктории, её умению держаться в обществе, может, кто-то и предлагал ей интим, но Фёдор Сергеевич знал точно, что юная жена ему не изменяла, и ещё больше раздувался от гордости, как индюк. А гордиться-то было нечем: просто Виктория честно выполняла свою часть невысказанного договора. Но при этом она никому не позволила бы разрушить своё благополучие. Фёдор Сергеевич подозревал, что, вероятно, Виктория закатила матери скандал, и та, обвинённая в связи с зятем, не выдержала предательского

удара. Словом, не мог он жить сейчас рядом с Викторией, ему следовало мысленно «перелопатить» всю свою жизнь, подумать, как жить дальше, потому что оказалось – деньги не самое важное в жизни, есть в ней кое-что поважнее. Вот он и стукнулся об это «кое-что» лбом, словно о гранитный камень.

- Виктория, извини, я пока поживу здесь, - твёрдо прервал Фёдор Сергеевич уговоры жены вернуться в город. – Мне это необходимо.

- Федюнчик, - назвала его Виктория давно забытым ласковым именем, - поехали домой, я соскучилась.

- Вика, - сказал он устало, - не лукавь, ничего тебе не скучно, у тебя есть много занятий – магазины, театры, в конце концов, съезди к морю. Деньги у тебя есть, мало будет – сними, сколько надо, с моей второй карточки. Она в верхнем ящике моего стола. Код ты знаешь, - он понимал, что жене всего сорок пять, по-народному, она – «ягодка опять», а он шагал по земле уже восьмой десяток, и это сбрасывать со счетов жизни нельзя. И теперь следовало определить, как жить дальше, как вести себя с женой, которая была в полном «соку».

Виктория уехала, убеждённая, что муж так влюбился в её мать, что теперь безутешно горюет, ведь она не знала ещё, что наступает время, когда человеку надо просто подумать о себе, о своей жизни. Для Фёдора Сергеевича оно уже наступило, а время Виктории пока безмятежно двигалось вперед.

Полгода она жила настоящей праведницей. С Глафирой общалась мало, только когда та приходила к Виктории за деньгами на продукты или какие-то хозяйственные надобности. А в иное время она спускалась в столовую, видела на столе все, что необходимо, но самой Глафиры не было. Закончив трапезу, Виктория поднималась вверх и слышала, как Глафира начинала убирать со стола. Мало разговаривала она и с шофёром, который оказался лишь в помощниках у Глафиры: Виктория имела собственную машину и за руль садилась всегда сама.

Она стала по совету мужа заядлой театралкой, посещая по очереди оперный, драматический театры, но чаще всего бывала в театре оперетты. Всюду её узнавали в лицо, раскланивались, а в оперном театре однажды пригласили на премьерный банкет. Конечно, Виктория понимала, что её пригласили не ради её самой, а потому, что она – жена Фёдора Сергеевича Савелкова, владельца «Фабас-банка». Но там она вновь почувствовала себя женщиной-обольстительницей, потому что мужчины-актёры вдруг принялись за неё ухаживать. Может быть, кто-то и надеялся на «продолжение банкета» в её постели, но Виктория, посидев из вежливости минут сорок на весёлом торжестве, незаметно исчезла и уехала домой.

Фёдор Сергеевич заезжал к ней редко за какими-либо документами или нужными книгами. Обменивались парой слов, и он опять пропадал на месяцы. Однажды Виктория почувствовала, что по-настоящему соскучилась по мужу, и позвонила ему. Но телефон оказался недоступен. Обеспокоившись, не случилось ли что с мужем, Виктория позвонила старшему пасынку, и тот сообщил, что Фёдор Сергеевич уехал в швейцарские Альпы.

- Ах да, он же предупреждал, я просто забыла! – пробормотала Виктория и отключилась: злоба накрыла её подобно цунами и понесла в неведомую даль. Подумать только: он в Альпы умотал, а она в России торчит!

Виктория спустилась на кухню, достала из бара бутылку коньяка и выхлестала его до доньшка. Пришедшая из магазина Глафира застала хозяйку мертвецки пьяной. Она спала, под её ухом, словно подушка, стояла тарелка с салатом. Глафира кое-как очистила Викторину от салата и затащила в нижнюю гостевую комнату, потому что наверх тащить пьяную не было сил, а позвать на помощь водителя не захотела, чтобы не позорить хозяйку.

Виктория, проснувшись, долго не могла понять, где она оказалась. Постепенно очертания комнаты стали вырисовываться знакомым рисунком обоев и мебелью, которая стояла в гостевой комнате, вот только не помнила Виктория, как она сюда попала. Она встала, добралась до кухни, где Глафира

готовила завтрак, и спросила домработницу, что с ней вчера произошло, и почему она оказалась в нижней гостевой комнате.

Глафира хмуро ответила, что Виктория была пьяна, и осведомилась:

- И какой праздник мы отмечали?

- Не твоё дело, - огрызнулась Виктория, поднялась на второй уровень, приняла душ и легла досыпать.

С того дня Виктория «слетела с катушек». Теперь вечера она проводила в барах или игровых клубах, благо их стало в Екатеринбурге (так звался теперь Свердловск) очень много. Сначала возвращалась домой одна, потом стала приводить гостей, и пирушка продолжалась до утра. Виктория пила мало, организм её отчаянно сопротивлялся алкоголю, поэтому она быстро пьянела и «отрубалась». Пользовался кто-либо её беспамятством – неизвестно, потому что просыпалась она в своей постели одна. Это уж потом Глафира рассказала, что, едва Виктория уползала в свою комнату, она тут же выпроваживала незваных гостей, а если те сопротивлялись, на помощь приходил водитель, мужчина крепкого телосложения: сначала спускал гуляк с лестницы с верхнего уровня на нижний, а потом вышвыривал из квартиры. Так что Виктория продолжала, сама того не подозревая, хранить верность мужу. Но однажды забрёл на огонёк самый младший из её пасынков – третий сын Фёдора Сергеевича, Артур. Глафира, увидев, что хозяйки среди гостей не видно, тут же произвела обычную процедуру вышвыривания забулдыг из квартиры, Артура же устроила на ночлег в верхней гостевой комнате.

Артур - будто персонаж из сказки: было у мужика трое сыновей, двое умные, третий – дурак. Вернее, шалопай, который прожигал жизнь, естественно, на папины деньги. Он еле-еле окончил десять классов, потом заявил, что учиться далее не собирается: при его статусе богатого наследника можно и не работать. Он постоянно ссорился с братьями и отцом, мать металась между ними словно между двух огней. Вероятно, именно эти распри и беспокойство за беспутного, но всё же сына, так рано и свели её в могилу. Когда

отец женился вторично, Артур, ровесник Виктории, какое-то время жил дома, а потом ушёл, неизвестно, где и на что жил, и вот объявился.

Проснувшись Виктория увидела Артура в своей постели. В ужасе она вскочила и бросилась к Глафире, с которой давно помирилась, и домработница по-прежнему относилась к ней доброжелательно. Конечно, она могла уйти от Виктории, потому что имела свою квартиру, которую сдавала внаём, так как жила у Савелковых. Деньги, вырученные от сдачи квартиры, зарплату и пенсию Глафира откладывала на сберкнижку, потому что питалась у хозяев, ей даже не надо было приобретать одежду, поскольку ещё покойная жена Фёдора Сергеевича заставила Глафиру ходить в форменном платье. С тех пор в её шкафу висело несколько одинаковых платьев, к которым Глафира привыкла будто к собственной коже. Словом, если бы она ушла от Савелковых, то остаток жизни провела бы не богато, но и без нужды, какую испытывали российские пенсионеры с приходом «дермократии» - так Глафира называла демократическую власть, пришедшую на смену развитому социализму. А не уходила потому, что жалела «вздорную девчонку», понимала, что в семейном разладе больше виноват Фёдор Сергеевич, а нынешние выходки Виктории от обиды и бурлящей, не старой ещё, крови, ценила и то, что Виктория не ударилась в последний грех перед мужем – распутство.

Артур стал заходить к Виктории – нравилось пить и есть «на халяву», иной раз делил с ней ложе, когда она была пьяна и не контролировала свои порывы. Глафира смотрела на их отношения косо, но ничего поделать не могла: Артур – сын Фёдора Сергеевича, домработница не могла его просто так выдворить из квартиры, как прочих друзей Виктории.

Однажды Артур привёл Олежека, мужа своей двоюродной сестры Лизы. Олежек за годы отсутствия в Екатеринбурге слегка полинял: появилась лысина, располнел. Виктория, отведя в сторону Артура, выговорила ему, что нечего было к ней тащить Олежека. Тот расхохотался и нагло заявил:

- Это и мой дом! Ты забыла? Я – сын своего отца, а ты просто – б... Так что не ерошись тут, кого хочу, того и привожу, - он смотрел на неё в упор, и

в глазах зияла холодная пустота. Виктории показалось, что она стоит на краю чёрной пропасти.

Ничего не ответив Артуру – её испугал диковатый отблеск в его глазах - Виктория ушла в свою комнату и стала готовиться ко сну. Вдруг дверь открылась, и на пороге появились Артур с Олежеком.

- Что же ты, кобылка, взбрыкнула, ушла, не попрощавшись? – ухмыльнулся Артур. – А я тебе жеребца привёл.

Виктория сложила фигу и показала Олежеку:

- А это твой жеребец видел? Пошли отсюда вон!

В глазах Артура зажглись злые огни: он продал Викторию на сегодняшнюю ночь и отдать деньги Олежеку не мог – купил несколько пакетиков с «дурью», и эти пакетики были ему дороже Виктории. Артур размахнулся и ударил наотмашь Викторию по лицу. Виктория остолбенела, но второй удар привёл её в чувство: женщина схватила с журнального столика тяжелые бронзовые часы и процедила:

- По кумполу захотел?

- Ах ты, тварь! – Артур вновь замахнулся, но Олежек оттащил его к двери.

- Ну её к дьяволу, Артур, пошли отсюда, завтра разберёмся.

Мужчины вышли, а Виктория заперлась на замок. Она плохо спала той ночью, вздрагивая от каждого шороха за дверью. Утром Артур деликатно постучал в дверь и позвал её завтракать. Когда Виктория, прихватив на всякий случай баллончик с лаком для волос, вышла из комнаты, Артур очаровательно улыбнулся:

- Прости за вчерашнее, я перепил немного.

- Не перепил ты, а наширялся, - сурово ответила Виктория. - Опять взялся за прежнее? – такое уже случалось, но Фёдор Сергеевич, узнав, что сын подсел на иглу, отправил его во Францию в специальную лечебницу: своих в стране не было – считалось, что в Союзе наркоманов нет. И вот Артур вновь стал наркоманом.

- Ничего не взялся, - добродушно возразил Артур, - просто был у друга, а там решили побаловаться анашой, я и курнул-то для понта, чтобы проверить, крепко ли в завязке.

Завтракали они чинно-благородно, без ссор. Артур блистал хорошими манерами. Вытер после еды губы салфеткой и сказал Глафире:

- Вечером у меня гости будут, Олежек тоже придёт, приготовь побольше закуси, а ты, Вика, если можешь, не уходи никуда. У меня день рождения!

Глафира завела глаза на лоб, шевелила губами, наверное, пыталась вспомнить, так ли это. Потом безнадежно махнула рукой: Артур всё равно найдёт повод, чтобы устроить попойку.

Вечером в квартире шёл шумный «гудёж»: пили, танцевали под музыку, где мелодия из-за басовитых низких звуков не была слышна, только гремело – «бум-бум-бум»! Потом опять пили, опять плясали. Виктории этот «праздник жизни» был не по душе, почему-то поселилась в ней тревога, перед внутренним взором светились диковатым блеском глаза Артура, и в её сердце вползал страх: Виктория поняла, что Артур способен на любую гадость, может и убить. И она сидела рядом с ним на диване, стараясь ни взглядом, ни словом не разозлить его.

- Иди сюда, кисуля, - промурлыкал Артур и дёрнул её за руку, усаживая себе на колени. – А что, мужики! Хороша тёлочка? – приятели Артура закивали. - Продаю на ночь! Устраиваю аукцион: кто больше даст, тот её и получит!

Виктория дёрнулась, но хилый вид Артура был обманчив: руки имели железную хватку. И тут послышались шаги человека, поднимающегося снизу в верхний холл. У Виктории замерло сердце: эти шаги она могла отличить из тысячи других. Она вновь рванулась прочь, но пьяные приняли это за игру «в догонялки», потому сразу двое ухватили её за руки, удерживая на месте. А человек уже поднялся в холл, и сразу его глаза нашли Викторию...

Фёдор Сергеевич уже давно простил Викторию за её прохладное отношение к матери и ревность к ней. За год путешествия по Европе успокоился,

и, казалось, помолодел. Он соскучился по жене, потому что, устроив вояж по местам, где они когда-то бывали вместе, вновь вернулся мысленно в счастливые медовые годы супружества. Возвратившись домой, он не приехал сразу к Виктории потому, что оробел, как мальчишка, понимая свою вину перед ней. А вчера явился Олежек и поведал о Виктории такие дикие вещи, что Фёдор Сергеевич ужаснулся, но виду не подал. Он знал о склонности Олежека прихвастнуть да приврать, поэтому не поверил и решил поехать к жене, проверить, правду ли сказал Олежек, а сказал он о том, что состоится грандиозная пьянка.

И вот всё оказалось правдой: пьянка, измена Виктории... И с кем? С его собственным сыном! Фёдора Сергеевича качнуло, и он молча стал спускаться вниз. Никто и не заметил его появления и тихого ухода. Виктория пришла в себя. Она поняла: это крах! Где-то внутри её жила надежда на примирение с мужем, а сейчас поняла: всё кончено. Вскочила на ноги так резко, что Артур не сумел удержать её. Ярость придала ей сил и решимости, страх перед Артуром исчез, и она одним движением руки смела со столика всё прямо на пушистый ковёр, затопала ногами и дико закричала:

- Вон! Всё – вон! – она топала ногами, размахивала зажатой в руке вилкой перед носом гуляк, и те кинулись опрометью вниз.

Она подступила к Артуру:

- Вон, ты тоже пошёл вон!

И Артур, как ни странно, отступил, юркнул за дверь своей комнаты. Снизу прибежала на крики Виктории Глафира. Увидев разгром и Викторину, которая в припадке бешенства металась по холлу, она всплеснула руками: «Батюшки, что тут происходит?» Она схватила Викторину мягкими ласковыми руками, прижала к пышной груди, и Виктория разрыдалась, начала сбивчиво рассказывать, что приходил Фёдор Сергеевич и всё увидел...

- Да уж, девонька, натворила ты дел, но ничего, покаешься, он и простит тебя, да и я заступлюсь, авось всё будет ладно, ведь это Артурка, стервец, набедокурил.

Но «ладно» не стало: едва Фёдор Сергеевич приехал в загородный дом, ему стало плохо. Вызвали врача, и тот констатировал: инфаркт. Старшие сыновья не сообщили Виктории, что Фёдор Сергеевич оказался в больнице: оба испытывали презрение к мачехе – они не знали, занятые своими делами, как Виктория жила последнее время, но Олежек рассказал о её поведении весьма красочно. А Виктория всё пыталась созвониться с мужем, но телефон не отвечал. И для неё наступило время оглянуться назад, осмыслить прожитую жизнь: под пятьдесят лет подкатывает, это – не шуточки.

Глафира ходила за Викторией по следам, боясь, как бы она не сделала глупость, не покончила с собой, одновременно радуясь, что Артур исчез куда-то так же внезапно, как появился. В конце концов, Глафира решила вмешаться в ход событий и поехала к Фёдору Сергеевичу, и лишь там ей рассказали, что с ним случилось. Она тут же вернулась к хозяйке, и обе помчались в больницу.

Фёдор Сергеевич, увидев их встревоженные лица, слегка улыбнулся, прошелестел:

- Чего это вы такие взмыленные?

- Федя, прости меня! – упала перед кроватью на колени Виктория.

- Я уже простил, и ты меня прости, я очень виноват перед тобой. Я тут долго думал, вспоминал последние два года. Боже мой, сколько глупостей я натворил, девочка моя, но не бойся, я о тебе позаботился.

- Феденька, ничего мне не надо, только не умирай, выживи, дорогой мой, пожалуйста, я даже уйти могу, только ты живи!

- Викуля, мне нужно с Глашей поговорить, выйди, пожалуйста.

Виктория послушно вышла. Села на кушетку возле дверей в палату и заплакала: обеспеченная, счастливая жизнь рушилась. Но, главное, она поняла: счастлива была не потому, что стала женой богатого человека, а потому, что, оказывается, по-настоящему была любима и сама любила его. Вот назвал он её Викулей, как было несколько лет назад, и тёплая волна прошла от словесной ласки по сердцу...

- Глаша, - сказал Фёдор Сергеевич, - я скоро умру... И не перебивай меня! – заметил он, как протестующе вскинулась Глафира. – Три инфаркта – это не шутка. Глаша, у меня хорошие сыновья, но с деньгами расставаться не любят, особенно Борис. Артур, конечно, сволочонок, но он – свой, к нему претензий особых не будет, крохи со стола ему отсыплют всё равно. А вот Вику – съедят. У меня под матрасом – пакет. Достань его.

Глафира осторожно, чтобы не потревожить больного, достала запечатанный конверт из плотной бумаги.

- В конверте – второй экземпляр моего завещания, это на всякий случай, чтобы Борис чего-нибудь не учудил.

У Глафиры потекли слёзы по щекам, она хотела рассказать, что Виктория не так уж и виновата, но Фёдор Сергеевич, улыбнувшись, прервал её и прошелестел:

- Ладно-ладно, старая, не реви, я всё понял, иначе бы Вику не простил... Отдашь этот экземпляр завещания нотариусу в тот день, когда он огласит его. Пусть прочтёт и этот экземпляр, чтобы ни у кого сомнений не было. Я сказал нотариусу, чтобы сделал именно так, но у кого второй экземпляр, он не знает. Скажешь ему в день оглашения завещания, он тебя пригласит, потому что ты внесена в завещание. Артуру я оставляю часть своих акций в банке, ну и ещё кое о чём распорядился относительно Артура, и тебе есть доля...

- Не надо мне ваших денег, Фёдор Сергеевич, - насупилась Глафира. – У меня свои есть.

- Да не в тебе дело, в Виктории. Я прошу тебя: не бросай её, а то, что я тебе завещал, это как бы оплата твоего труда, ну, вроде, как ты мне по-прежнему служишь. Согласна?

Глафира кивнула.

- Вот и хорошо... Виктории я оставляю городскую квартиру, Артурке купят квартиру, я написал... И деньги ей на жизнь тоже оставляю, это мой капитал, как хочу, так им и распоряжаюсь, - упрямо сказал он, словно с ним

кто-то спорил. - А теперь иди. Я устал... Завтра приходите. А Вике скажи, что её простил, я ведь тоже виноват перед ней, дурак старый. Артурку тоже простил, скажи ему, как встретишь. Виноват я перед ним, упустил парня... А остальное – в воле Бога, если вина его велика, то и без меня его накажет.

Глафира вытерла слёзы:

- Вот и хорошо, что вы Вику простили, Фёдор Сергеевич. Это всё Артурка куролесил, а Вика не могла его выгнать: ваш сын, да и бешеный он по нраву, вы же знаете. А Олег, небось, наврал сто вёрст до небес, нехороший он человек, не люблю я его... А в тот день, когда вы пришли, она выгнала их всех, нашла в себе силы...

Фёдор Сергеевич прервал Глафиру:

- Иди-иди, я же сказал – всё понял. Иди.

Умер Фёдор Сергеевич неделю спустя. Виктория всё это время сидела у него чуть ли не сутками, ездила домой лишь немного перекуить, но обходилась одним кофе. Ей так было больно душевно, она так яростно корила себя, что сразу постарела, и санитарка, уже пожилая женщина, однажды прошептала: «Ты, милушка, в часовенку сходи, у нас тут при больнице часовня есть. Сходи, помолись, полегчает на душе-то...»

Виктория никогда не была в церкви. Робея, вошла в часовню, сердце её колотилось, неведомо почему. Она со страхом смотрела на иконы, ожидая, что может случиться нечто странное. И хорошо, что под каждой иконой было название, а то Виктория растерялась бы, не зная, к какой иконе подойти. Ей понравилась икона Казанской Божьей матери, красивая, в золотом окладе, а, кроме того, хоть и Богородица, а всё равно – женщина. Виктория не знала молитв, потому попросила Богородицу по-простому: «Матерь Божья, сделай так, чтобы Феденька остался жив. Плохо мне будет без него. Пусть простит меня за все пакости, что я ему делала, за ревность мою дурацкую простит». Она зашла в часовню с ощущением, словно тяжесть великая на плечах лежала, а вышла – с чувством лёгкости и тела, и души.

Когда муж умер, его отпевали в храме Александра Невского на Зелёной Роще неподалёку от кардиоцентра. Накануне сорокового дня Виктория уже без подсказки отправилась в Храм на крови, который возвели рядом с часовней, построенной на месте дома Ипатьева, где был казнён царь Николай II. Храм стоял на косогоре, виден издалека и был похож на космический корабль, приготовленный к взлёту – такие у него были строгие вертикальные линии строения. Упав на колени перед Иконой Божией матери, она долго и бессвязно истово просила Бога простить её прегрешения, а душу мужа отправить в Рай. А потом, как советовала Глафира, заказала сорокоуст в его память.

После похорон отца Борис, старший из братьев, отправился к нотариусу, который считался другом семьи, потому спросил его без всяких подходов:

- У отца завещание составлено?

Нотариус шевельнул бровями, дескать, сказать не могу. Борис положил перед ним стодолларовую купюру. Нотариус взял её и кивнул.

- Там я и Толик или ещё кто-то есть?

- Я этого сказать не могу. Вот пройдёт сороковой день, тогда объявлю волю покойного. Такова его воля.

- Хорошо, - и перед нотариусом легли ещё пять американских бумажек.

– Так есть там ещё кто-то?

Нотариус пожевал губами, снова кивнул.

- А кто?

- Борис, я не могу тебе этого сказать, - укоризненно проговорил нотариус.

- Та-а-к... Ясно. А исправить его можно? Мы с Толиком требовать экспертизу не будем, - он начертал цифру на поле газеты, лежавшей на столе, - вот такова будет наша благодарность.

- Борис, не искушай меня, - улыбнулся нотариус, - даже если бы и захотел, я не смог бы... подкорректировать завещание.

- Почему? – не отставал Борис. – Можно, например, умолчать, что завещание было составлено, я бы вас не обидел.

- Дело не в «обиде», - выделил голосом нотариус последнее слово, - а потому, что это противозаконно, а во-вторых, существует второй экземпляр.

- Где он?

- Не знаю, а если бы и знал, то не сказал бы всё равно: это противозаконно, - решительно ответил нотариус.

- А вот сейчас вы за шестьсот долларов не совершили противозаконное действие? – разозлился Борис.

- Боже упаси, я и словом не обмолвился, - улыбнулся нотариус, - так что никаких противозаконных действий не совершил. Да и поздно Фёдора Сергеевича убеждать, чтобы изменить завещание.

Борис молча встал и вышел.

- Шакалёнок, - промолвил ему вслед нотариус. – Едва отца закопали, тут же прибежал выяснять, какое завещание он оставил. Да, Фёдор Сергеевич, был прав, когда просил сделать копию завещания.

Нотариус пришёл в назначенный день, попросил позвать Глафиру для присутствия на оглашении завещания. Ну а Виктория и так находилась в комнате. Не было только Артура: он «упал на дно», никому не звонил, на глаза не попадался, не был и на похоронах отца, хотя в газетах был некролог и оглашена дата похорон. Впрочем, Артур никогда не читал газет, а по телевизору смотрел только порно.

Борис и Анатолий явились в тёмных траурных костюмах. Анатолий приветливо поздоровался с Викторией, Борис же глянул волком, не сказав ей ни слова.

Нотариус огласил завещание, согласно которому некоторую сумму получала Глафира, выделены из доли Фёдора Сергеевича акции Артуру, Викто-

рии тоже передавалась часть акций, солидная денежная сумма и городская квартира, остальное делилось поровну между старшими сыновьями.

Виктория заплакала, пораженная щедростью мужа относительно себя, выходит, и правда, простил. Анатолий воспринял известие спокойно: он не претендовал на главенство. Борис возмутился:

- Этого не может быть, отец не мог оставить нам с Толиком по четверти своего капитала, а остальное так бездарно разбазарить! Мы тоже старались умножать семейный капитал!

- Борис Фёдорович, это воля вашего батюшки, и тут ничего не поделаешь! Семейный капитал он не тронул, а распорядился относительно, как вы справедливо заметили, своей долей собственности. И подпись под завещанием – подлинная.

- Вы говорили, что существует второй экземпляр, вероятно, там всё иначе. Где он? – требовательно спросил Борис.

- Если присутствующие не возражают, я прочту и его, - и глянул на Глафиру, которая сказала ему перед совещанием, что второй экземпляр завещания находится у неё. Она встала и подала ему запечатанный конверт. Нотариус, не торопясь, вскрыл его: знал, что там написано, но захотел пощекотать нервы Борису. Достал точно такой же лист, как и тот, что держал в руках несколько минут назад, и прочёл.

Борис, услышав повторно текст завещания, встал и вышел...

- Вот так я стала богатой, как и мечтала с юности. Не иждивенкой мужа, а по-настоящему богатой, - завершила свой рассказ Виктория.

- Ну и почему ты сейчас... такая, - Светлана не решилась назвать её убогой.

- Потому что сейчас – это моя жизнь, - повторила Виктория, сказанное, в начале разговора. – Сначала я, конечно, обрадовалась: живи в своё удовольствие, ведь ни от кого не зависишь. Но и горевала по мужу, всё-таки он был хорошим человеком, это я оказалась дрянью. А как поняла это, ужаснулась: ни семьи, ни родителей, никого рядом нет. Папу, с тех пор, как нашёлся

Валечка, видела только раз: на похоронах мамы. Он со мной не разговаривал, сразу же уехал после поминок. Про Валю тоже ничего не рассказал, а он тогда учился в военном училище. Потом, сама понимаешь, не до примирения было – гулеванила на полную катушку. После смерти Фёди тоже не до него было. Мы тогда подумали с Глафирой и решили продать квартиру, которую Федя мне оставил, и переехать к ней, потому что тяжело было и мне, и ей находиться там, где долгое время обе были счастливы. Про себя молчу, а Глафира призналась, что тоже любила Фёдора Сергеевича, но по-иному: очень он был на её брата, погибшего на войне, похож. Я хотела купить себе другую квартиру, но Глафира отсоветовала, мол, хватит и её жилплощади – две комнаты, нам достаточно, если, конечно, я не собираюсь жить на широкую ногу, как и прежде. А понадобится мне квартира, так можно купить: средств хватит. Но мне, признаться, уже ничего не хотелось. Пятьдесят лет всего, а душа - пустая, ничего не желалось. Просто хотелось жить тихо, незаметно. Глафира, оказывается, верующей была: у неё в чемодане лежала икона Иверской Божьей матери, ей она и молилась перед сном. А делала тайно потому, что Фёдор Сергеевич не любил церковь, и не крестился напоказ всем, как стали это делать все его друзья во время перестройки. Вот Глафира и стала меня потихоньку к Богу приводить. Мы жили на улице Розы Люксембург, и сначала просто в Свято-Троицкий собор с ней ходили – он на этой же улице стоит, потом стали паломничество совершать по святым православным местам России. Ездили в Загорск, были в Ипатьевском монастыре в Костроме, посетили храм Сергия Радонежского, неделю жили на Валааме – там есть небольшая гостиница для паломников. Ну, сейчас и не упомнишь, где мы были. Я, правда, сначала ездила, как туристка: интересно было, а то мы с Фёдором всю Европу исколесили, а в своей стране не путешествовали. Тоже, как и он, всё на видео снимала. А потом как-то незаметно стала и сама молиться Богу, предложила Глафире съездить на Пасху в Иерусалим, посмотреть, правда ли существует святой огонь, от которого потом и свечи загора-

ются. И, знаешь, съездили, и огонь тот увидели, - она светло и радостно улыбнулась.

- А что и не съездить, если деньги есть, - усмехнулась Светлана.

- Света, - укоризненно глянула на неё Виктория, - я тебе не о вере в Бога говорю, а о том, как душа моя переродилась, а ты иронизируешь. Поверь, я уже не Инфанта, и впервые так о себе подробно рассказываю, и рада, что именно тебе, - и она обидчиво отвернулась.

- Вика, прости, - смутилась Светлана, потому что, несмотря на исповедь, до сих пор видела перед собой ту Викторю, которую в школе сама же и назвала однажды Инфантой, и прозвище накрепко прилипло к ней. Лестное, вроде, прозвище, но Осипову всю передёргивало, когда её кто-нибудь так называл. Да и жила всю жизнь Светлана с неприязнью к Вике – не могла простить, что Инфанта хотела «закадрить» Сергея Герцева, ничего между ними не было, но что-то мешало молодым людям несколько лет быть вместе. И однажды встретились они в заснеженном городском парке, когда приехали оба в родной город на каникулы: их словно понесла туда неведомая сила. И сила эта называлась Любовь...

Виктория улыбнулась, покопалась в своём рюкзаке, достала несколько карточек, похожих на календарики, но это были изображения иконы Божьей матери.

- Вот, я хочу подарить тебе – это из самого Иерусалима, там, на обороте, даже благословение есть, - и подала иконку Светлане.

Светлана увидела овальный штамп, на котором написано: «Благословение старограда Иерусалима», - и стоял восьмиконечный православный крест. Она не была верующей, но подарок Виктории тронул её душу, и потому, неожиданно для себя, она коснулась губами нижнего края иконки. Глянула исподлобья на Викторю: не смеётся ли? Но Виктория не смеялась, наоборот, смотрела одобрительно.

- Ну а здесь-то как оказалась? – спросила Светлана одноклассницу.

- Глафира год назад умерла, после похорон я написала в телепередачу «Жди меня» с просьбой отыскать её родственников, раз был у неё брат, наверное, и семья у него имелась. Найдутся, я им квартиру Глафиры отдам, хотя она завещала её мне. А сама начала совершать паломничество по Российским святым местам. Где ездила, а где пешком шла. Вот из Екатеринбурга я сюда пешком дошла, лето – идти приятно.

– Зачем? – удивилась Светлана.

- А затем, что много я нагрешила, а как исправить всё, не знаю, а походы такие всё-таки испытание и физическое, и душевное. Знаешь, как сначала страшно было одной в лесу ночевать, - пожаловалась вдруг Виктория. - Шла вдоль железной дороги, отдыхала в заброшенных избах. Господи, сколько по нашей железнодорожной ветке деревень разрушенных — смотреть страшно! Там живут одни железнодорожники — надо же кому-то за путями присматривать, - Виктория неожиданно рассмеялась: - А в одном селении я увидела, знаешь что?

– Что?

- Обычную городскую телефонную будку и спутниковую тарелку! Мобильники, видимо, там плохо связь держат, так они придумали через спутник общаться с миром! А живут там всего три семьи. Как-то раз увидела в лесу одинокий домишко да баню на отшибе от дома, остальное — всё в руинах, всё в траве. Но я не подошла к тому дому, испугалась почему-то, вдруг варнак там какой-нибудь живёт.

- Ну и что сразу в город не пошла?

Виктория посмотрела на Светлану недоумённо, дескать, понять не можешь, почему? «Железка» мимо кладбища проходит! И сказала:

– Хотела сначала побывать на могилах папы и Валечки, потом уж в город войти да Мариночку с Валечкой увидеть...

Светлана хмыкнула: Виктория, оказывается, знала, что Валька Есипов женился на дочери их одноклассников Лариски Костровой и Андрея Горчакова. А Виктория продолжала рассказывать о своих планах:

- Дальше хочу в Тюмень съездить – Федя там родился, в каком-нибудь храме за него помолюсь. А потом не знаю, куда пойду.

- А как узнала про их смерть?

- Случайно увидела в Екатеринбурге Горчакова, видимо, Бог мне его навстречу послал. Ты не думай, что вообще не хотела ничего про папу и Валю знать, просто стыдно мне было с ними встретиться, да-да, стыдно! – воскликнула Виктория. – Считала, что не готова ещё с ними встретиться, хотя бы с папой, про Валю-то я думала, что служит, наверное, где-то — возраст у него как раз призывной был. А вышло, что ещё один грех на душу взяла, так и не увидела их живыми. Не знаю даже, как Валечка выглядел, каким он вырос, так хоть внучоночка увижу, - и она заплакала.

Светлана подсела к ней ближе, обняла её и тоже залилась слезами, непонятно, почему. Так они плакали, прижавшись друг к другу, две женщины, у которых были разные судьбы, они вели их по разным дорогам, но дали встретиться в одной скорбной для обеих точке.

- Красивым он был, Валька твой... Смелый... Порядочный... Парень, что надо, - сквозь всхлипывания вырвались слова, и Виктория, слыша их, горестно выговаривала:

- Какая же я негодяйка... Валечка, сыночек мой! – и заплакала ещё горше, упав на могилу сына.

Женщины проплакались, глянули на свои распухшие, покрасневшие носы, припухшие глаза, и рассмеялись.

- Витка, нас с тобой сейчас определённо на конкурс красоты не возьмут, - хихикнула Светлана.

- А я ведь не просто сюда шла сюда, - призналась Виктория, - слышала, что тут у вас есть православный приют для маленьких бездомных. Горчаков сказал, что там Лариса – главная попечительница. Так ведь?

Светлана кивнула.

- Вот я и решила, что всё, что у меня есть, отдам детям приютским. Мне надо немного, я уже привыкла к аскетической жизни. Прибьюсь куда-нибудь в монастырь, там свой век и доживу.

- Глупая ты! – воскликнула Светлана. – Да кто теперь, когда ты сама сюда пришла, тебя в монастырь скитаться отпустит? У тебя внук есть, ты ему должна всю свою душу, тепло своё и любовь отдать! А ты – в монастырь!

- Света, а простят они меня? Как ты думаешь? – робко спросила Виктория.

- А я тебе вот что посоветую: иди-ка ты в приют воспитательницей, - и засмеялась беззлобно, - вот там свои грехи с ребятишками и замолишь. И за Эдика, и за Вальку! Иди, Вика! – и хлопнула, ободряюще, Викторию по плечу.

Виктория только головой покачала: Рябинину не изменишь, всё посмеивается. Её, похоже, жизнь не слишком баловала, а смеётся во весь рот, всё так же голову задирает, как и в школе.

Женщины быстро завершили приборку в оградке и пошли в город. Жили всю жизнь врагами, а вот возле дорогих могил подружились, видимо, иначе нельзя – место такое, где ссориться нельзя...

Лариса уже третий год руководила детским приютом для бездомных бродяжек, сама же и содержала его, потому что имела собственное дело – три магазина, Андрей же руководил своим бизнесом и не мешал жене возиться с ребятишками, понимал, что после смерти младшего сына Максима ей очень трудно, а эти пацанята, обожавшие свою тётю Лару, вытянули её из тоски от потери сына. Хорошо, что у Маринки, вышедшей замуж за Валентина Есипова, родился сынишка, которого в честь отца и деда назвали Валентином. Лариса в мальчишке души не чаяла. Жаль только, что семейная жизнь у Горчаковых разладилась: не простила Лариса ему измены с другой женщиной.

Лариса решила организовать приют для бездомных ребят не с кондачка.

В Верхнем не было никогда церкви. Но в начале девяностых годов уходящего XX века в городе появился худенький юноша с жиденькой бородкой – отец Мефодий. Он взял разрешение в исполкоме на владение одним из заброшенных домов – люди уезжали в Екатеринбург, бросая свои дома, или же дома оставались бесхозными из-за смерти одиноких стариков. Вот такой дом, где умерла старушка, а наследников у неё не оказалось, отец Мефодий и приспособил его под молельный дом-часовню. Он разломал стены, и в доме стало просторно и светло от свежих обоев в мелкий цветочек и белых занавесок на окнах. Под жильё он приспособил небольшой флигелёк рядом с домом, а в бане устроил крестильню.

Над крыльцом дома лучший плотник Верхнего построил резную колоколенку. Под её куполом Мефодий установил колокол, небольшой, похожий на корабельную рынду. Он сиял начищенными медными боками, и голос имел тоже чистый, звонкий.

У Мефодия появились три помощницы-старушки, которые дежурили в часовенке, прибирались, следили за чистотой подсвечников. Несколько дней Мефодий объезжал окрестные деревни, осуществлял бесплатно требы – отпевал усопших и крестил младенцев, а вместо платы брал сохранившиеся в семьях иконы. И теперь в часовне был настоящий иконостас и алтарь, в ней ежедневно проводились службы. Однажды отец Мефодий на севере, неподалёку от границы с соседним районом, в деревеньке, затерявшейся среди лесов, обнаружил икону «Утоли моя печали». Она принадлежала новопреставленной старушке, прожившей столько лет на этом свете, что родственники даже не вспомнили день её рождения. Да и откуда им было помнить, если сыны полегли в битвах за родину на фронтах Великой Отечественной, их жены тоже уже в мире ином, а внуки не знали, когда родилась бабушка. А двум правнукам это было уже «до лампочки». Они приехали в деревеньку, чтобы поохотиться, клюквы набрать, а бабуля взяла да представилась от неожиданной радости – за последние двадцать лет её навестили впервые. Парни сообщили родичам об этом, но никто не приехал, лишь прислали немного денег

на похороны: кто сто, кто пятьсот рублей... Растерявшиеся правнуки, получив таким образом на руки полторы тысячи рублей, не знали, что делать с таким «богатством», чтобы достойно похоронить прабабушку. Хорошо, соседи – почти такие же ветхие старики да старухи - помогли: гроб сколотили, лиственничный крест сладили, продукты на поминки принесли. В деревне-то и сельмага не было, лишь раз в неделю на моторке привозили необходимое, что заказывали: соль, сахар, муку, спички, керосин, потому что электричества в деревеньке тоже не было. А когда-то в ней была вахтовая база леспромхоза, памятником ему стояли в деревне два бревенчатых барака, смотревшие на свет пустыми глазницами окон – в одном было общежитие лесорубов, во втором – с одного торца магазин, а с другого - подобие клуба и вахтовая контора. Старики рассказывали, что рядом с бараками под навесом стоял движок и вырабатывал электроэнергию, так что матерчатые абажуры с кисточками не для красоты в домах висят – это память об ушедшей цивилизации. Но рация осталась – у леспромхозовского начальства не хватило духу лишить одиноких стариков связи с внешним миром, вот по ней-то и заказывали моторку, а зимой – гусеничный вездеход. И батюшку из Верхнего, чтобы честь по чести проводить душу рабы Божией Марии «к верхним людям», тоже по рации вызвали: слух о нём, как о сильно верующем, быстро разлетелся по району.

Мефодий вершил отпевание торжественно, так, что у присутствующих слёзы градом катились. В счёт оплаты за свою службу попросил икону, которая стояла на полочке в красном углу. Просьбу его удовлетворили. А с благословения владыки Екатеринбургского часовню в Верхнем называли именем иконы «Утоли моя печали».

Лариса Горчакова познакомилась с отцом Мефодием случайно. После смерти сына Максима она долгое время находилась в глубочайшей депрессии, и Андрей, муж, да и подруги всерьёз опасались за её рассудок, боялись, что она совершит самоубийство.

Лариса долгое время ежедневно ходила на могилу сына, рыдала там до

беспамятства, обвиняя себя и мужа за то, что в погоне за обеспеченной жизнью упустили они что-то важное в воспитании младшего сына – Максим вырос дерзким, беззаботным, девчонки бегали за ним вереницей, а он, красивый и самодовольный, благосклонно принимал их внимание. А девочку Юлю, ясноглазую, доверчивую, он полюбил первой юношеской любовью. Но в их отношения вторгся грубо Фитиль, один из главарей криминальной группировки в городе, и сказка превратилась в страшную драму: испоганил уголовник первую юношескую любовь. Он же и подстроил всё так, чтобы вина за насилие, которое свершил Фитиль над Юлей, легла на плечи именно Максима.

Максим Горчаков вернулся домой ослабевший душой и опять подпал под влияние Фитиля и его «шефа» Одуванчика, однако же нашёл в себе силы восстать, и принял на себя пулю, предназначенную одной из подруг-одноклассниц своей матери. Иначе он поступить не мог — в среде бывших десятиклассников-«бэшников» дети были каждому из друзей родными, словно свои собственные. И теперь Лариса Горчакова, понимая, что не сумела отдать сыну всё тепло своей души, полностью посвятила свою заботу беспризорникам.

Однажды отец Мефодий после отпевания усопшего на кладбище, выходя к дороге по узким проходам между оградок, заметил сторбленную фигуру женщины, сидевшую возле опрятной могилы, даже ещё не осевшей, видимо, смерть недавно забрала у женщины кого-то родного. От фигуры женщины веяло такой скорбью, что Мефодий не выдержал и подошёл к ней.

- О ком скорбите, матушка? – тихо произнёс он, но и этот голос был подобен грому, потому Лариса испуганно вскинулась, и Мефодий увидел, что женщина – не старая, просто седая.

- О сыне, батюшка, - ответила Лариса, приглушив стук перепуганного сердца ладонью. – Он погиб. Сегодня уже год, как погиб.

- На войне несправедной?

- Нет, его убили преступники... - и Лариса вдруг всё рассказала невесть откуда появившемуся священнику. Он внимательно выслушал и достал из сумки специальное одеяние, накинул на плечи, вынул кадило. Делал всё не спеша, даже величаво. Лариса смотрела на него во все глаза, не понимая, что задумал священник. А тот глянул на имя, начертанное на памятнике, и уточнил:

- Усопшего Максимом звали?

Лариса кивнула, и священник начал молиться:

- Упокой, Господи, душу усопшего раба твоего Максима... даруй рабу твоему Максиму царствие небесное... Подаждь, Господи, оставление грехов...

Он произносил слова молитвы напевно, торжественно, и Лариса, не крещённая, как и большинство верхинцев, поверила, что кто-то добрый простит грехи сыночку, и будет ему светло и радостно там, куда путь заказан живому человеку. Завершив отпевание, священник сказал:

- Сыну вашему сейчас будет легче, душа найдёт праведный путь, а вы приходите в нашу церковь иконы «Утоли моя печали», помолитесь, и вам тоже станет легче. Помолитесь и за сына своего, попросите Господа нашего простить ему все прегрешения, вольные и невольные... Нам, живым, надо чаще молиться за умерших. А Бог всё ведаёт.

Он благословил Ларису широким, плавным движением, держа в правой руке красивый большой золочёный крест, произнёс по-прежнему напевно и торжественно:

- Во имя Отца и Сына и Святага духа... Аминь! – и пошёл себе восвояси.

Лариса решила прийти в часовню не сразу, несколько раз проходила мимо, наблюдая, как семят к ней старушки в белых наглаженных платочках. А когда осмелилась переступить порог часовни, то её словно паром окатило – стало почему-то страшно, потому что всё тут было неожиданно, таинственно и при том... благолепно – именно так Лариса определила увиденное.

И уже не боясь, перекрестилась и, приблизившись к деревянному кресту, на котором был распят Иисус Христос, рухнула на колени и прочла от начала до конца молитву, написанную на табличке под крестом. Вот и душу её мальчика так же распяли ироды рода человеческого, лишили воли. С тех пор Лариса стала навещать часовню, и когда решила открыть приют для бездомных детей, то попросила совета и благословения у Мефодия. Помня свои первые ощущения посещения церкви, своё душевное облегчение, Лариса посоветовала сходить туда и Светлане, когда её младшего сына призвали в армию. Случись это лет двадцать назад, в душе Светланы не шевельнулась бы ни единая струночка — парни охотно шли в армию, редко кто старался «откосить»: служить в армии была почётная обязанность каждого юноши.

Повестка о призыве младшего сына в армию застала Светлану Николаевну Рябиницу врасплох и опалила душу страхом: время такое наступило — конец XX века, и матери боялись отдавать своих сыновей государству для его защиты. Да если бы в самом деле государство защищать, а то солдаты строили дачи командирам, случалось, они своих бойцов продавали в самом буквальном смысле для работ в различные частные предприятия и получали за рабов в камуфляже звонкую монету без всяких налогов. Про то рассказывал Светлане соседский паренёк, вернувшийся полгода назад из армии. До отправки в войска он полгода служил в учебной части и не столько учился, сколько работал у своего ротного командира на даче. Светлана заметалась от отчаяния и страха, она, конечно, не думала «откосить» сына от армии, но хотелось, чтобы ему служилось хорошо.

Алексея призывали в армию в конце осеннего призыва. До отправки оставалось всего три дня, и никто не мог поддержать её — подружки Настя Окунь, Лариса Горчакова да Ольга Оленькова и Томочка Чарышева — только и делали, что сидели рядом да слёзы лили. Не было в городе и Валентина Михайловича Осипова, который до сих пор командовал местным гарнизоном, уж он-то обязательно что-нибудь да посоветовал. После того, как Настя

Окунь нашла неожиданно сына его дочери Викторией, бывшей их одноклассницы, он был готов для «бэшников» горы своротить.

И тут Лариса Горчакова бросила Светлане своеобразный спасательный круг:

- Свет, ты бы сходила вместе с Лёшкой к отцу Мефодию, пусть он благословит его.

Алёшка засмеялся, узнав о намерении матери сводить его в церковь, однако подчинился. Отец Мефодий был на требе, и они дожидались священника на скамье во дворе. Священник поразил Светлану худобой, тонким аскетическим лицом, а главное – чистыми правдивыми глазами: в них светилась истинная вера в Бога. Светлане доводилось и раньше видеть священников, но она не всегда верила, глядя им в глаза, что они истинно верующие: просто выполняли свою работу. А Мефодию поверила. Позднее узнала, что Мефодий – чёрный монах, принявший обет безбрачия, что в Бога поверил в Афганистане, когда попал в плен и сумел бежать. Вернувшись домой, окрестился и поступил в духовную семинарию.

Священник спросил, по какой надобности они обратились к нему, и Светлана, волнуясь, попросила благословить сына перед уходом в армию. Мефодий указал Алёше, куда встать, и начал молитву. Завершив, перекрестил его, поднёс к губам юноши крест для поцелуя, сказал:

- Иди с Богом, служи честно. Бог путь укажет.

– Батюшка, скажите, как вы его благословили. Чтобы вернулся домой живым и здоровым? – робко спросила Светлана.

– Это – в воле Божией, - ответил Мефодий. – Я благословил его, чтобы он при любых обстоятельствах оставался ЧЕЛОВЕКОМ. Потому что «человек – это звучит гордо», это ещё, если вы помните, Горький сказал, - и глянул прямо в глаза женщины лукавым взором. - А вы молитесь за него.

Светлана растерянно ответила:

– Я ни одной молитвы не знаю...

– Ничего, - улыбнулся Мефодий, - главное, чтобы слова шли от

сердца.

Сын вернулся из армии живым и даже был награждён медалью, и Светлана поверила в нечто, что помогает людям, однако вера в Бога так и не укрепилась в её душе...

Приют для маленьких горемык-бомжат Лариса назвала «Ромашка». Ей казалось, что стебелёк — это приют, основа жизни для сирот, а вокруг него — ребята. А сам солнечный цветок - надежда на лучшее.

Лариса верила, что её подопечные вырастут честными и порядочными, пусть такие качества уже не кажутся важными для молодёжи, но она попробует их привить своим воспитанникам. Будь Лариса без гроша в кармане, ничего бы не сумела организовать. Но организовала, привлекла к работе несколько обеспеченных людей, живших в Верхнем, и гордилась тем, что ни в одном городе области нет подобного приюта. В нём жили ребята разного возраста от четырёхлетнего малыша Ванечки, которого нашли милиционеры на вокзале, до четырнадцатилетнего Гены – этот пришёл сам и сразу стал лидером в приютской компании. Но в то же время и помогал на кухне нянечке, ведь штат приюта невелик: Лариса, повариха, нянечка да ночной сторож. Одно плохо: маленькие бродяжки поняли свою выгоду - к зиме прибились в приют, подкормились, подлечились. А как стало тепло – десять человек из двадцати ушли вслед за Геной: привыкли к свободе, не хотелось в стенах жить. Однако вполне возможно, что к зиме подростки вернуться, и Ларисе хотелось, чтобы они остались потом в приюте и летом: им надо учиться, а не бегать по России. Лето идёт на убыль, где вот их носит, куда сманил их этот маленький «бандит» – Генка?

Надо ребяташек заинтересовать чем-то, например, компьютером. Один, старенький, она принесла из дома, и ребята понемногу осваивали его. А для бухгалтерии нужен новый. Да и к осени неплохо ещё один компьютер приобрести - столько надо было писать отчётов, планов, вся бухгалтерия шла в электронном варианте, а бухгалтера в приюте пока не было, и ей приходи-

лось всю отчётность вести самой. И теперь не переставала удивляться бюрократической машине. Организовала она общественную организацию для благого дела – пригляда за ребятами, хлебнувших горя по самую макушку. А надо было госпошлину заплатить, нотариусу заплатить за то, чтобы организационные документы заверил, сшил их, как требуется. А получилось – ошиблась нотариус, не так сшила, и завернули документы. Вновь вернулась к нотариусу, мол, исправьте. Та расшила документы, разобрала и вновь сшила, и опять плату потребовала. Лариса спросила, зачем, ведь нотариус просто исправил свою ошибку, а та покровительственно улыбнулась и ответила, что работала, работа же должна оплачиваться. Лариса хмыкнула насмешливо, но заплатила. Месяц документы «гуляли» по необходимым инстанциям, пришли, и отправилась Лариса в налоговую инспекцию, зарегистрировалась, пошла счёт в банке открывать, а там затребовали приличную сумму за открытие счёта, да ещё за банковские операции придётся платить...

Лариса привыкла выполнять задуманное, и тут же поехала в магазин компьютерной техники. А по дороге заехала в банк, чтобы снять деньги для покупки компа. Вставила банковскую карточку в приёмное гнездо, набрала пин-код и с удивлением прочла: «Извините, обслужить Вас не можем, Ваша карточка заблокирована». Карточка выползла из гнезда, и Лариса начала недоумённо вертеть её в руках, подумав: «Что за фокусы?» - но долго размышлять и удивляться было некогда, потому достала карточку «на прожитие», повторила все необходимые манипуляции. Банкомат выдал ей требуемую сумму, и она отправилась в магазин за компьютером. По дороге в приют позвонила Володе Никишину, попросила приехать установить компьютер и подключить его к Интернету.

Володя Никишин, старший сын Светланы Рябиной (разведясь с мужем, она вернула себе девичью фамилию) работал помощником мэра города, время у него рассчитано по минутам, однако в помощи не отказал, лишь предупредил, что в течение дня не сможет подъехать, а вот часов в восемь вечера приедет. Впрочем, Лариса и не сомневалась в положительном ответе: Во-

лодя – сын её лучшей подруги Светланы Рябининой, и он всегда помогал друзьям матери в компьютерных делах.

Возвратившись в приют, Лариса тут же позвонила Андрею, но безрезультатно: Горчаков не отвечал. «Бестолочь! – подумала с досадой. – Где-то мотается в поисках лучшей доли». Тогда она решила связаться с Денисом. Сын откликнулся сразу.

- Денис, что за дела – моя карточка заблокирована. Что случилось?

- Мама, это я заблокировал, - спокойно ответил Денис.

- Почему?

- Мам, это не телефонный разговор, я приеду в воскресенье и всё объясню.

– Какое воскресенье, - закипятилась Лариса, - мне деньги сегодня нужны!

– Мама, я сказал – приеду в воскресенье! – в голосе сына зазвенел металл, и такая нотка Ларисе не была знакома: Денис обычно разговаривал вежливо и мягко.

Лариса ещё не знала, что Горчаков передал Денису генеральную доверенность на управление семейным бизнесом. После разрыва с Ларисой, он переехал в Екатеринбург и с головой окунулся в дела: жизнь не удалась, значит, будем «заколачивать бабки» - этим Андрей Горчаков и занимался многие годы, улучшая семейное благосостояние. Но сейчас не было уже былого азарта, он занимался делами фирмы по инерции, словно во сне, и Денис однажды сказал:

- Пап, ты или занимайся фирмой с полной отдачей, или дай мне генеральную доверенность на ведение всех дел, иначе я отделиюсь.

Горчаков долго не думал, задумчиво произнёс:

- Наверное, ты прав, Деник. Пожалуй, годик дам тебе порулить. Что-то я, и в самом деле, расклеился.

Денис постарался спрятать довольную улыбку: теперь он перекроет «кислород» всем материнским доброхотским делам – на её приют уходит немало средств, которые можно было бы направить на расширение дела, а не на то, чтобы подтирать сопли бомжатам. И когда отец вручил ему генеральную доверенность на ведение дел семьи, Денис тут же заблокировал самый крупный банковский счёт матери, оставив тот, которого хватало лишь на содержание дома и ведение хозяйства. Денис не посчитал нужным предупредить мать, что получил генеральную доверенность от отца для руководства семейным бизнесом: он почувствовал себя настоящим хозяином, главой семьи.

«Нет, надо разобраться», - решила Лариса и тут же по телефону заказала билет на поезд. Затем поехала домой, собрала вещи в дорогу и вернулась обратно.

Володя приехал вовремя. Установил компьютер, подключился к сети Интернет, проверил выход со своим паролем, весело сказал:

- Всё о'кей, можете работать.

- Володя, а ты сможешь моих ребят научить пользоваться компьютером.

- Нет, Лариса Антоновна, не могу: нет времени, но поговорю со своим другом, попрошу, чтобы помог вам. Думаю, не откажет.

Лариса глянула на часы: до отхода поезда оставалось сорок минут.

- Володя, ты на машине?

- Не заработал ещё, - улыбнулся Никишин. – Но заработаю. А права уже имею.

- Ну и прекрасно, подвези меня к вокзалу на моей машине, а потом её доставишь к нам. Хорошо?

– Нет проблем, - кивнул Володя.

–

Поезд из Верхнего прибывал в Екатеринбург рано утром. Выйдя на привокзальную площадь, Лариса тут же позвонила сыну, сказала, чтобы приехал за ней.

- Хорошо, - буркнул сын. – Как подъеду к вокзалу, позвоню.

Денис приехал через полчаса, нашёл мать, подхватил её увесистую сумку: Лариса любила ездить с комфортом, чтобы всё необходимое, даже мелочи, было под рукой. Ехали молча: обоим не хотелось затевать серьёзный разговор в машине.

Денис жил в центре города в доме старой постройки, где комнаты были просторные и потолки высокие. Он сделал перепланировку, и теперь у него была столовая, оборудованная прекрасным кухонным гарнитуром со встроенными необходимыми аксессуарами – газовой плитой, мойкой, холодильником и микроволновой печью. Стол, стулья – всё из современного материала, новое. Расширил прихожую за счёт одной из комнат. В общем, жилище сына вполне соответствовало его стилю жизни и запросам.

- Завтракать будешь? – спросил Денис. – Возьми в холодильнике всё необходимое. А я поеду, у меня сегодня важное совещание.

- Деник, не хитри, не оттягивай разговор. Ты же понимаешь, зачем я приехала так срочно, между прочим, бросив свои дела, - сделала она упор на конец фразы.

- Ну что же, давай поговорим, - глаза сына похолодели, голос стал строже. – Ты хочешь знать, почему заблокирован счёт? Так не только твой – Маринкин, папин счета тоже заблокированы.

- С каких это пор ты стал распоряжаться нашими деньгами?

- Мама, это не только ваши деньги, это деньги семьи, вложенные в дело. Я же ничего не говорю о ваших личных счетах, которые, как ты говоришь – «на прожитие», - голос сына опять зазвенел металлом. – А эти счета, куда идёт прибыль от акций и сделок, извини, в достаточной мере - общие счета. Я хочу расширить производство, нужны деньги, вот я и заблокировал ваши счета.

- Это почему ты так сделал?

- Потому, что папа выдал мне генеральную годовую доверенность на ведение дел, так что хотите вы или не хотите, а право распоряжаться семейным бизнесом я имею.

- Он что – с ума сошёл твой папа? Его счётом можешь распоряжаться, а моим и Марининым не смей! Ясно? Кстати, где он, твой папа? Я дозвониться до него не могу, - Лариса имела боевой вид.

- У него другой номер.

- Какой?

- Мама, я тебе его скажу, но раз папа не позвонил тебе и не сообщил о новом номере, может, не надо его тревожить? – осторожно спросил Денис, чтобы не раздражать мать.

- Он где сейчас, здесь или в Москве? – спросила, а у самой сердце захолоуло: вдруг сладилось у него дело с Алевтиной, бывшей его секретаршей, из-за которой разошлась она с Андреем.

- Здесь. Приехал неделю назад. А знаешь, мам, папка у нас молодец – докопался-таки до княжеских корней, - сын поспешил погасить раздражение Ларисы.

- Не очень-то обольщайся насчёт этих корней, - засмеялась Лариса, - его корни в Заморозовке.

- Мамочка, да ну тебя! – Денис понял, что у матери помягчело сердце. – Обнял её, чмокнул в щеку. – Кому, какое дело до этого? Главное – есть официальное свидетельство, что мы – потомки князя Александра Михайловича Горчакова. Папка в Питер ездил, привёз оттуда свидетельство о княжеском титуле, всё честь по чести, заверено, напечатано на дореволюционной гербовой бумаге!

- Ой ли, официальное ли? – Лариса засмеялась откровенно, весело.

- Мам, да ладно тебе, ну что ты споришь? Тебе что, не хочется княгиней побыть, а? Мне хочется, я даже хочу в дворянское общество вступить. Поверчусь с годик на раутах, представляясь князем, а потом, глядишь, меня пригласят вступить в это общество. Пригласят, значит – признают.

- Нет, мне княгиней прослыть, тем более в Верхнем, не хочется. Засмеют.

- Ну, так перебирайтесь с Мариной в Екатеринбург! У отца хорошая квартира, он её отремонтировал. Маринка не захочет жить с вами, так и ей квартиру купим в каком-нибудь элитном районе, вот, например, жилой комплекс «Высокий берег» есть на берегу Исети. Я там не бывал, но, говорят, всё очень красиво и современно, даже кухни снабжены всем оборудованием и шкафами. Мам, соглашайся! Представляешь, губернатор приглашает на приём, а вы с папой входите, вас представляют и добавляют – светлейшие князь и княгиня! Здорово, а?

Лариса уже остыла, в ней зазвучала предпринимательская жилка:

- Ладно, зубы не заговаривай, скажи лучше, зачем тебе деньги нужны?

- Хочу вложить их в банковское дело.

- Открыть новый банк решил?

- Нет, зачем? Есть у нас здесь «ФАБАС-банк»...

- Название какое странное, – удивилась Лариса.

- Если расшифровать, то ничего странного нет. Это значит – «Фёдор, Анатолий, Борис, Артур Савелковы». Фёдор Сергеевич – отец, глава банка, умер три года назад. Борис, его старший сын, теперь председатель совета директоров. Ну и... - сын замялся. – Мама, я хочу жениться на дочери Бориса Фёдоровича. Кстати, мой княжеский титул сыграл тут не последнюю роль. А ты смеёшься над ним. Борис Фёдорович, знаешь, какой ухватистый, мы с ним так развернёмся, что... - Денис замолчал, не в силах подобрать слово, пока не высказался, - ...ух!

- Дениска, - растрогалась Лариса, проигнорировав его «ух!», - да неужели я дождусь и от тебя внуков? Детишки – это же так славно.

- Славно, если они свои, а ты тратишься на чужих. Ну, зачем тебе бомжовский приют, да ещё, слышал, вы там с Мефодием задумали такой же приют создать для взрослых бомжей?

Лариса ощетибилась:

- Ах, вот почему ты мне доступ к деньгам перекрыл, чтобы я не тратила их «налево», туда, где тебе никакой прибыли не будет? Трачу я свои средства, у вас ничего не прошу.

- Мама, - вскричал Денис, - но ведь это деньги, которые идут от прибыли нашего общего дела, как же они не наши? Лучше их вложить в более выгодное дело! Папа уже согласен. Я буду пополнять твой счёт в разумных пределах, а накопительные средства позволю вложить в «ФАБАС-банк»!

- И каковы разумные пределы? – холодно осведомилась Лариса.

- Вы по-прежнему не будете ни в чём нуждаться, но зачем тебе приют? Пусть занимается этим город, государство, церковь, тем более что он – православный, а тебе-то что за дело? У тебя разве нет своего внука, с которым надо заниматься? А им занимается чужая тётя, вы же с Маринкой упёрлись в этот приют! Я не могу вас понять!

- И не поймёшь, Денис. Чтобы это понять, нужно самому горе пережить. А ты рос в неге и холе, тебе всё было самое лучшее, как же – вундеркинд, талант. Я с тобой нянчилась больше, чем с Максимом, твой талант пестовали, думали, музыкантом знаменитым станешь, а ты вон в банкиры метишь, - усмехнулась Лариса. - А Максим рос, как трава на обочине, куда ветер подует, туда и он.

- Ну да, вот его и «задуло» в тюрягу, - криво усмехнулся Денис.

- Де-е-ни-и-с! – укоризненно покачала головой Лариса. – Ты прекрасно знаешь, как он попал в тюрьму – не за своё преступление.

Денис покраснел слегка: конечно, знал и жалел брата. Упрёк вырвался сам собой из-за раздражения, что мать тратит силы и энергию на возню с детьми, брошенными какими-то с...и. Она всегда помогала отцу в делах, и хорошо помогала, наверное, отец не добился бы такого финансового успеха, если бы мать не занималась бухгалтерией их бизнеса. И опять сказал:

- Мам, зачем тебе этот приют?

- Знаешь, сын, я могла бы попытаться объяснить тебе, но ты этого сейчас не поймёшь. Тебя ещё жареный петух не клюнул в темечко, и ты не зна-

ешь, что такое – раскаяние, и насколько тяжела вина перед кем-то, когда ты осознаешь эту вину. Но со временем, надеюсь, поймёшь сам, без петуха. В общем, так: счёт мой разблокируешь, туда по-прежнему будут поступать мои проценты с торговли и прочего, что есть сейчас у нас. В твои банковские дела я лезть не буду, на маржу претендовать не буду. Что касается Марины, приезжай в Верхний и поговори с ней сам. Будет согласна – пользуйся её капиталом, не будет – верни всё на своё место. Ну, а если отец согласен, то это – его дело. А сейчас поезжай, ты же сам говоришь: время – деньги, вот и поезжай ковать свои деньги, - она с иронией глянула на сына, и тот покраснел, однако проговорил:

- Мама, а ведь, если бы у тебя не было бы денег, ты не смогла бы возиться со своим приютом, где бы деньги брала?

Лариса посмотрела на сына долгим взглядом и ответила:

- Возилась бы, а то, что я – человек обеспеченный, так потому меня Бог и надумил на это. А счёт разблокируй. Ты езжай, я отдохну, потом по магазинам проедусь, кое-что нам надо купить, а провожать меня, хочешь - проводи, а нет – так сама уеду.

- Я провожу тебя, мама, - Денис поцеловал её и вышел.

Лариса позавтракала, потом взяла телефон, набрала номер Горчакова, долго смотрела на экран телефона, но так и не решилась нажать на кнопку вызова.

«Пусть всё идёт своим чередом, - подумала она, - пусть сам решит, кто ему дороже», - а сердце забилось сильнее при одной мысли о муже, которого Лариса любила со школьных времён и до сих пор.

И вот – Верхний! Лариса не была в нём два дня, а как соскучилась! Здравствуй, мой город родной! Ты краше для меня всех больших и шумных, твои люди дороги мне и знакомы, я люблю ходить по твоим улицам, смотреть на реку, на берегу которой ты стоишь...

Лариса вышла на перрон, глубоко вздохнула всей грудью: дома! На привокзальной площади села в такси и сразу поехала в приют. Оказывается,

она соскучилась и по этому одноэтажному дому, по ребятам, которые ещё спали, наверное, но из кухни тянуло кипячёным молоком – повариха готовит завтрак. Лариса прошлась по коридорам, заглянула в комнату младших ребят: «Спят малыши. Как они хорошо спят, спокойно!» Прошла в кухню, поздоровалась с Евдокией Захаровной, которая возилась возле плиты.

- Ой, матушка Лариса Антоновна! С благополучным прибытием, и у нас, слава Богу, всё хорошо.

- Вот и славно, - улыбнулась Лариса, - а где Анна Яковлевна?

- Да приболела немного, просила подменить. А что? Накормлю ребяток завтраком, а потом и Мариночка придёт, управимся, матушка.

Лариса подошла к няне, обняла её за пышные плечи, сказала:

- Евдокия Захаровна, можно вас попросить не называть меня матушкой?

- А как ещё? – опешила женщина. – Вы же попечительница этого богоугодного заведения, как можно иначе назвать, столько хлопчете.

- И всё равно, не зовите, хорошо?

– Хорошо, милушка вы наша, Лариса Антоновна, - пообещала няня.

Лариса занималась бумагами в своём кабинете. Кто-то постучал в дверь, Лариса разрешила войти, дверь приоткрылась, и в щель заглянула улыбающаяся Светлана.

- Привет, - сказала она, не отходя от дверей. – А где ты вчера была?

- В Свердловск уезжала, - для Ларисы и всех жителей области областной город по-прежнему был Свердловском: они родились и выросли в Свердловской области, а чужеродное Екатеринбург не выговаривалось. - Вернулась только сегодня.

- Ага. Ясно, - Светлана улыбалась широко, лучисто. – А я гостью привела, знаешь, такая гостья, что ты держись за стул, а то упадёшь.

- Светка, отстань, - попросила Лариса, - и так забот полно, а ты мне голову морочишь. Веди, раз привела.

Светлана выглянула в коридор и пригласила кого-то:

- Заходи, светлейшее разрешение получено!

- Светка, злыдня, ты когда перестанешь меня дразнить? Я... - и замолчала, потому что на пороге кабинета стояла Виктория Осипова, мать её зятя Валентина.

- Ты... ты... - залепетала Лариса. – Ты... зачем сюда явилась? – её лицо стало злым и некрасивым. Она вскочила со стула. – Уходи!

- Ларка, тихо-тихо, - подскочила к ней Светлана. – Ты присядь, сейчас всё тебе объясню. Виктория предлагает деньги для приюта, а ты – уходи! Выслушай сначала, а потом выгоняй.

Сначала рассказывала Светлана, как встретила Викторию на кладбище, а потом пришло время исповедоваться и самой Виктории. Лариса слушала, раскрыв широко глаза, осознав, что Виктория может скоро оказаться родственницей, если Денис женится на дочери Бориса Савелкова. Время шло, женщины забыли о том, словно путешествуя по времени на экспрессе «Жизнь» от школьных лет до этого дня. Только Лариса и Светлана делали это мысленно, а Виктория – рассказывала о том, что видела вокруг себя. А потом они умостились вместе на диванчике и заплакали горестно, каждая – о своём.

Виктория осталась в Верхнем: поняла, что некуда больше ехать – финиш её жизненного марафона именно здесь.

Лариса предложила Виктории жить в своём доме, и та с радостью согласилась, потому что её никто и нигде не ждал, и самым родным человечком оказался внучок Валечка. Сердце Виктории от взгляда на него таяло, расплывалось, как мороженое на солнце, а на глаза наворачивались слёзы: «Господи, - шептала, - как могла я так обделить себя: не слышать детский лепет, не видеть радостные глазёнки, не баюкать дитя, не наблюдать, как ребёнок подрастает, начинает говорить... Господи, прости!!!» А Валечка словно пони-

мал, насколько нужен бабушке Вике, ластился к ней, просился на руки под ревнивыми взглядами Ларисы и Марины. Но ни та, ни другая не сманивали мальчонку с рук неожиданно обретенной бабушки.

Странно, но и в приюте от Виктории не отставали малыши, ходили за ней «хвостиками», слушались её беспрекословно, просили сказку рассказать, и она, укладывая их спать, рассказывала или пела колыбельные песни. Лариса, глядя на Викторину, только диву давалась: сколько же в однокласснице нерастраченной любви к детям, вот уж у кого истинный талант воспитателя!

Однажды Виктория, смущаясь, сказала Ларисе:

- Лара, ты не обидишься, если я перейду жить в приют? Я уж и комнатку присмотрела, кладовку, где всякий хлам свален. Вынесу всё в сарай, приберу, побелю, покрашу. Там даже небольшое оконце есть.

- Вика, а тебе разве плохо у нас? – изумилась Лариса её просьбе. – Мне казалось – хорошо, да и Валечка к тебе привык.

Виктория ещё больше смутилась и ответила, глядя прямо ей в глаза:

- Отвыкла я от роскоши... Три года уже по простоте живу, не сердись. Мне ведь много не надо, Света видела, какой мне обед нужен. Только не в этом дело. Я так виновата перед Валею и Эдиком, что мне всю оставшуюся жизнь у Бога прощения не вымолить, так хоть этих ребятишек обласкаю. Понимаешь? А ещё мальчик тут один есть, Ванечка, он меня вчера мамой назвал, - у Виктории сверкнули слёзы на глазах. – Понимаешь – мамой?

Лариса кивнула.

- Хорошо, Вика, живи в приюте, а комнату мы тебе найдём получше, чем кладовка.

Находила душевный покой в общении с приютскими ребятами и Светлана. Она ушла из газеты, где был теперь новый редактор, с которым Светлана никак не могла наладить отношения: уж очень молодой человек, возвращённый на пене перестройки, ратовал за изменения в стране, и безразлично ему было, что те изменения не всегда полезны стране и её народу. Тоскливо было

Светлане, бывшей ранее всегда на виду, среди людей, сидеть дома без любимого дела, вот и взялась помогать Ларисе в приюте. Но ей были ближе ребята постарше, те самые, что летом ушли из приюта, а к осени вернулись. Лишь Гена где-то застрял.

В Светлане «проснулась» школьная отрядная вожатая, и она по первому снегу обзвонила всех знакомых, выпросила, у кого можно было, лыжи. Едва снег окреп, она со старшими мальчишками отправилась в поход в лес, туда, где давным-давно бывала с ребятами своего отряда. И словно в юность вошла: так же баловалась с приютскими, как со своими пионерами. Они играли в снежки, разожгли костёр и с аппетитом умяли бутерброды, которые приготовила им повариха, запили чаем со смородиновым вареньем, и направились, усталые, не спеша, обратно. Так и повелось: как воскресенье, так - лыжный поход с ребятами-школьниками. А вечерами приходил друг Володи Никишина и учил ребят работать на компьютере. Лариса радовалась:

- Хорошо получается, может быть, следующим летом мальчишки не убегут.

А вот дома Светлане покоя не было: начались раздоры с Алёшей, который вернулся домой полгода назад. Они вспыхивали из-за пустяков, потому что сын не понимал, а потому и не принимал, почему мать день-деньской пропадает в приюте, когда дома – собственный сын, которому надо готовить еду.

Алёша легко перенёс развал семьи, отца не помнил, потому что мать и старший брат старались оградить его от забот: ему и лучший кусочек подкладывался, и конфет больше перепадало, словом, привык малец, что вокруг него вертятся и защищают. Вырос, а привычка не исчезла. Но Светлана не могла быть только домохозяйкой: привыкла находиться среди людей, потому так тяжело переживала уход из газеты «Прицеп». Дом наваливался на неё, как гора, и хотя первые месяцы пенсионной «безработицы» она посвятила только семье и дому, вертелась-крутилась, чтобы всюду была чистота, чтобы готов был ужин к приходу сына, но всё это тяготило Светлану. Более трёх

десятков лет она была ответственной за всё, что происходило в её семье, а когда рассталась с Валерием Никишиным, эта ответственность удвоилась.

И вот, кажется, можно заняться только собой: дети выросли, стали самостоятельными. Можно вставать утром, когда захочется, а не подстраиваться под график жизни детей; смотреть телевизионные передачи, какие пожелает, а не уступать это право детям. Хотелось привести в порядок дневниковые записи, поработать над ними и, может быть, превратить их в книгу. А главное, хотелось общаться с детьми на равных, что-то обсуждать, что-то делать вместе, хотелось, чтобы они поняли её интересы. Володя жил в доме бабушки своей жены Ани, к матери забегал редко, спрашивал, как дела, и исчезал. Зато обижался, что она не заходит к ним – бабушка уже старенькая, устает нянчиться с Сашенькой.

- Вот бы тебе, мам, взяться за это дело, - высказал Володя однажды своё желание, - а то не хочется Сашеньку отдавать в детский сад, как бы не заболела. Ты бы переехала к нам.

- Володя, ты же знаешь, что я работаю в приюте.

- Мам, неужели эти подкидыши дороже тебе родной внучки? – рассердился Володя.

- Не дороже, ты знаешь, как я люблю Сашеньку, но у неё есть родители, две бабушки, которые в ней души не чают, а те ребята – сироты при живых родителях. Им нужна тоже ласка и забота, как твоей Сашеньке. Может быть, даже и больше, потому что души у них раненные.

- Мама, я никогда не думал, что ты откажешь мне в помощи!

- Я не отказываю, просто не хочу, чтобы воспитание своей дочери ты превратил в мою постоянную обязанность. У меня есть и собственная жизнь, и хочу, чтобы ты и Алёша это поняли. Вот где он сейчас? Придёт домой, буркнет: «Привет!» - поест, запрётся в своей комнате и больше ни слова. Уходит, и, если хорошее настроение, скажет: «Пока!» Нет настроения, так уходит молча и тихо, иной раз я и не слышу, пропадает потом куда-то на несколько дней..

Светлана высказывала ещё какие-то обиды, но Володя её не слышал. Ушами слышал, а душой – нет: всё затмевала собственная обида – мать отказалась помочь. Так и жила – параллельно с детьми, а сердце тосковало – нет рядом человека, который бы понимал ее. «Ах, где же тот, что мощною рукою моей фортуны сдвинет колесо! И где же сердце тёплое, большое, чтобы с моим сердцем билось в унисон...» - выговаривала её старенькая гитара-семиструнка: она много лет не брала её в руки, и вот неожиданно потянуло снова писать стихи, как было в десятом классе, подбирала к ним мелодию и пела свои песни в притихшей квартире.

Как-то вечером Светлана сидела в одиночестве перед телевизором, если не считать, что на коленях спал Рыжик, а на плече устроился Найдик. Оба пели еле слышно кошачьи песни. Шёл старый-старый фильм «Дом, в котором я живу». Там было горе и радость, встречи и расставание. А главное, между теми людьми была любовь и взаимопонимание. Светлана смотрела и плакала. Теперь это у неё случалось часто, но никто, конечно, про то не знал.

Алёша пришёл поздно, спросил, что на ужин. Светлана ответила, что есть суп и котлеты.

- Суп, котлеты... - проворчал сын. – Неужели нельзя что-то приготовить иное?

- Лёша, всё свежее, я готовила вечером, что тебе не нравится?

- Да однообразие не нравится! Суп-котлеты, суп-котлеты!

Сын смотрел холодными, однако измученными глазами. Может быть, он и сам был не рад давнишнему конфликту с матерью, по крайней мере, так хотелось Светлане, и думалось, что не стали они врагами, просто, как любит говаривать сатирик Михаил Задорнов, у него произошел «сбой программы». И как наладить эту программу, Светлана не знала. Ей было невыносимо горько, что нет взаимопонимания между ней и Алёшей, вот и с Володей — нелады начались, а ведь она и сыновья - самые родные на белом свете люди. И хотя Алёша говорил, что у него всё хорошо, но что-то его гнетёт. Совесть, что так скверно ведёт себя с матерью, пытаюсь полностью подчинить её сво-

им привычкам? Или хочет повиниться и помириться, но не может перебороть мужскую гордыню? Попал в плохую историю, и не знает, как выпутаться из неё?

Алексей – дитя своего исковерканного безнравственного времени. Лишь в конце первого десятилетия нового миллениума в России стали задумываться о воспитании будущих поколений, а поколение Алексея выпало из этого проекта. Оно воспитано на жестокости триллеров, глупом юморе, когда раздаётся гомерический смех, если человек падает или получает подзатыльники. Такой юмор существовал в кукольном театре Карабаса-Барабаса, когда Арлекин избивал Пьеро под дружный смех зрителей, но сказку про Буратино дети читают раз-два, а телевизор смотрят часами, столько же играют в компьютерные «стрелялки». Поколение Алексея – это развращённая и разболтанная армия, которая превратилась в стройбаты для генералов или мишени для боевиков. Поколение, которое накачено наркотиками и отравлено алкоголем. Алексей избежал многих пороков, но душа его была изломана. И как вылечить душу своего сына Светлана не знала. Ей было плохо. Очень плохо. Она чувствовала, как энергия утекает из неё всё более мощным потоком, но умирать не хотелось. И тогда она приняла, как ей казалось, единственное и правильное решение: уйти в веру. Она устала. И отдохнуть, ей думалось, можно только среди верующих людей, где она будет полезной. Вот Виктория же нашла такой выход приемлемым.

Светлана о том сказала отцу Мефодию, который пришёл в приют. Рассказала ему про свою душевную боль, про мысли, которые никогда бы не раскрыла подругам: почему-то этот худющий – в чём только душа держится? – батюшка с горящими глазами вызывал у неё доверие.

Отец Мефодий смотрел на женщину испытующе. Она прямо глянула ему в лицо и спросила:

- Может быть, мне уйти в монастырь, подальше от людей? Я так устала!

- Душе твоей нужен покой, - согласился священник. – Но его там не будет. И не обязательно тебе принимать монашеский сан. Я думаю, монахиней ты не сможешь стать, это тебе не дано. Просто следуй за Богом, он укажет путь истинный и излечит твою душу. А до того, когда увидишь путь, указанный Богом, найди уединённое место и поживи там.

- Более уединённого места, чем монастырь, не найти, - возразила Светлана.

- Сестра, - тепло произнёс Мефодий, - в монастырь приходят те, кто навеки отрёкся от мирской суеты, а для тебя эта суета – главное, ты не можешь посвятить себя только Богу, это не в твоём характере. Да и нет у тебя такой беды, чтобы уйти из мира.

- А Виктория? Она истинно уверовала в Бога, так ведь? Мне почему не дано?

- Виктория прошла через, самой же, учинённое, зло, а когда прозрела – стало жутко, что натворила. Она оказалась в одиночестве, и потому пришла к Богу. У КАЖДОГО К БОГУ СВОЙ ПУТЬ, у неё вышел такой. А твой... Мне кажется, ты никогда не станешь истинно верующей в существование Господа, потому что всё любишь подвергать сомнению, любишь анализировать события, а вера в Бога требует безграничной веры во всемогущество Всевышнего, ты же в это никогда не поверишь. В чудо верит тот, кто способен в него поверить, вернее, желает поверить, а ты не способна.

- Почему? – искренне удивилась Светлана.

- Потому что ты больше веришь в свои силы и возможности человека, а не Бога. Я не могу сказать, что это плохо, но я говорю: «Всё от Бога». А ты про это вспоминаешь редко. Разве не так?

Светлана кивнула: да, так. Храмы её привлекали с исторической точки зрения и культурной – ей нравилось разглядывать старинные иконы, потому, оказываясь в незнакомом городе, всегда заходила в церковь. Но не любила там быть в период службы: чувствовала себя лишней среди множества истово крестящихся людей, с умилением взиравших на священников, на которых

Светлана глядела с недоверием – не могла понять, как молодые люди, выросшие в век космических кораблей, поверили в существование Бога настолько, что стали его служителями.

Мефодий словно прочёл её мысли, улыбнулся:

- Я поверил в Бога в армии. Служил в Дагестане. Потом нас перевели в Чечню. Однажды наша машина подорвалась на фугасе. Из пяти солдат выжил я один. Месяц лежал в коме, а как пришёл в себя, то увидел на стене икону Христа. Даже не саму икону, а именно глаза Христа – глубокие, всё понимающие, ласковые и ободряющие одновременно. А тут ещё нянечка-старушка увидела, что я пришёл в себя, и воскликнула: «Батюшки! Пришёл в себя, Слава тебе, Господи!» - и убежала за врачом. С тех пор я пошёл на поправку, и нянечка всё время говорила, что это - благодаря Богу. Так я уверовал в Господа, а когда выписался из госпиталя, сразу же пошёл в церковь, упал на колени перед иконой Христа и в молитве отблагодарил его за своё спасение. Я не помню, что говорил, но говорил страстно, истово... А потом поступил в семинарию. Вот как я стал священником.

Светлану давно уж разбирало любопытство, почему Мефодий одинок, и она решила спросить:

- Отец Мефодий, а почему вы приехали сюда один, по-моему, священникам разрешено жениться.

Он кивнул:

- Разрешено, но я принял обет безбрачия.

- Извините, а почему?

- Пока я лежал в госпитале, кто-то сообщил моей невесте, что я не выживу, а если выживу, то... - он смущённо улыбнулся, - буду неполноценным, как мужчина. В общем, она вышла замуж за моего друга. И если бы не моя вера в Бога, я бы, наверное, запил или ещё что-нибудь случилось, но я тогда понял: всё – от Бога. Представь, что я мог испытать, если бы мы поженились, а она бы предала меня. Раз вышла за другого, значит, не любила меня, а если не любила – могла бы изменять потом... Конечно, я мог жениться: у нас пе-

ред выпуском из семинарии девчонки на заборе буквально висели, так что выбор был.

Светлана рассмеялась:

- Так уж и висели?

- Да, они же считают, что быть женой священника – это словно сыру в масло попасть. А это не так, это – подвижничество, ведь придётся себе во многом отказывать, жена священника – это спутница и его единомышленница на всю жизнь: разводы запрещены, ведь мы венчаемся, а это – намного серьезнее, чем регистрация в ЗАГСе. Я такой не нашёл. А вообще браки совершаются на небесах... - он грустно улыбнулся, но тут же прогнал печаль, глаза засияли лаской. – Извини, сестра, я на тебя тоску нагнал, но совет прими: твоей душе нужен покой, тебе бы лучше уехать надолго из города, подумать, разобраться в себе. Здесь ты одинока среди людей, а тебе нужно просто пожить отдельно и разобраться в себе, своей душе, словом, просто душевно отдохнуть, вот и всё.

Светлана несколько дней ходила и размышляла, что делать: сыновья жили сами по себе, и тропа её жизни не пересекалась с тропами, по которым они ходили. Это было так страшно: чувствовать себя одинокой среди родных людей. Прав отец Мефодий – она душевно одинока. Давно Светлана не видела сестру Анну и братьев – каждый из них жил своим «кустом» в других городах и до младшей сестры им не было дела. Как ни странно, но её тягостное настроение первой заметила Виктория.

- Света, у тебя что-то случилось? Ты какая-то потерянная ходишь.

- Да нет, ничего не случилось...

- Но я же вижу!

И неожиданная мысль вдруг пришла в голову Светлане:

- Вика, а твоя квартира в Свердловске пустая стоит?

- Сейчас – да, а до того там жили двое студентов, которые в этом году окончили университет. Ты не думай, не для денег квартиру сдаю, просто для

того, чтобы пригляд был, ну и всё-таки сама иногда там живу. А в этом году никого не нашла – сюда пришла.

- Вика, разреши мне пару месяцев пожить у тебя.

- Да ради Бога, конечно, Света! – и спросила: - Невмоготу стало?

- Да, и сама не знаю, что со мной, тоска какая-то одолела.

Виктория засмеялась:

- Это ты, мать, взрослеешь.

- Что? – изумилась Светлана. – Ты забыла, сколько нам всем уже «настучало»? По-моему, мы все давным-давно не только повзрослели, но и мохом скоро покроемся.

- Светка, ты – мудрая, но и наивная, потому что в тебе до сих пор живёт маленькая девчонка. Я вот себя чувствую старой-старой, потому что душа моя постарела, а ты носишься, бегаешь, с мальчишками на лыжах ходишь, оптимистка ты наша! – и обняла Светлану.

Светлана уехала, не сказав об этом сыновьям, но оставила на столе в кухне записку: «Ребята, я решила пожить одна, простите». Ночной поезд повёз Светлану Рябинину в Екатеринбург навстречу, как ей казалось, новой жизни. И какой она будет, женщина не знала. Она начинала жизнь с чистого листа. И символично, что эта жизнь начнётся завтра с утра, когда поезд придёт в Екатеринбург. Место Светланы было на нижней боковой полке, она лежала без сна и смотрела в тёмное окно, рядом с которым «бежала» растущая луна – тонкий серебристый серпик. И это обстоятельство показалось женщине тоже знаменательным – новая луна принесёт и новую жизнь. Она заснула, и ей приснился светлый, радостный сон, однако утром, как ни старалась, ничего Светлана не вспомнила, только в душе сохранилась тихая радость от этого сна.

Алёша, вернувшись ночью домой, прочёл записку без всякого интереса: ну, решила и решила. Бросил записку на подоконник. Ему и в голову не пришло, что мать уехала. Жил себе спокойно в квартире, развлекал сам себя

«караоке» и был очень доволен, что никто не читал нотаций, не приставал с разговорами. Однажды приехали Володя с Аней и Сашенькой.

- Лёха, а где мама?

- Не знаю, вот читай, - и Алёша протянул брату записку, которая до сих пор валялась на подоконнике.

Володя прочёл, недоумённо вытаращился на брата, потом протянул жене записку. Аня, прочтя её, тоже удивлённо глянула на Алёшу, спросила:

- Это что?

- Что - «что?» Мать написала: хочет пожить одна, ну, пусть поживёт, мне и одному не плохо. Видите, всё в порядке, чисто, посуда вымыта.

- Братики, а вам эта записка ни о чём не говорит? – спросила Аня.

- А что? – опять откликнулся Алёша. – У кого-нибудь из своих подружек живёт. Ну и что?

- А то! – взорвалась Аня. – Это вы её довели своим равнодушием, вот она от вас и сбежала, и не думаю, что живёт в Верхнем.

- А куда она сбежала? – ухмыльнулся Алёша. – К отцу, что ль сбежала? Глядишь, с папанькой вернётся.

Володя молча соображал о чём-то. Потом спросил брата:

- Ты чего тут натворил?

- А сам? – обозлился Алёша. – Ты когда с матерью разговаривал? Я уже два месяца один, а ты даже ни разу не позвонил.

Аня и Володя покраснели: это было правдой. Втроем они уселись за стол.

- Ань, что делать, где маму искать? – спросил жену Володя. – Вдруг с ней что-то случилось?

- Типун тебе на язык! – замахала руками Аня. - Звоните «бэшникам», они, наверняка, знают, где она.

Володя начал листать свою записную книжку, растерянно уставился на жену:

- А знаешь, у меня нет ни одного телефона. Только деловые.

Алёша тоже смущённо произнёс:

- И у меня нет их телефонов.

И вдруг ему стало стыдно: «бэшники» раньше были для них общей семьёй, а он выбросил старую записную книжку, и в новую не занёс ни одного телефона друзей матери, не говоря уж про мобильник.

- Ну, так посмотрите в телефонном справочнике! – сказала Аня.

- Нет, мы сделаем не так, - сказал Володя, - мы сейчас поедem к Окуням, тётя Настя – самая лучшая мамина подруга.

- Володенька, мама с ней почему-то в контрах, - сообщила Аня. – Я раз видела, как они в магазине встретились: прошли мимо друг друга, словно незнакомые.

- Ничо себе! – присвистнул Алёша. – Вот это номер! Да они жить не могли, чтобы не созвониться!

- Тогда едем к Горчаковым! – решительно сказал Володя и вышел на улицу.

Выйдя из подъезда, спросил брата:

- На чьей машине поедem – на твоей или моей?

- На твоей, я немного датый: лафа, никто пиво пить не запрещает, - хохотнул Алёша.

Володя неодобрительно посмотрел на брата: сам он и капли спиртного в рот не брал, на банкетах вынужденно пригублял вино, и только. Володя помнил, что отец любил пиво, вот и Алёшка удался в него.

На улице вьюжило – декабрь выдался снежный и ветреный. А окраинную улицу, где жили Горчаковы, замело так, что машина еле ползла по дороге. В доме Горчаковых, несмотря на позднее время, горел свет.

Дверь им открыла незнакомая женщина в белоснежном платке, спросила:

- Вам кого, молодые люди?

- Нам нужна Лариса Антоновна, - ответил Володя.

- Проходите, - пригласила она поздних гостей в нижний холл двухэтажного дома Горчаковых.

Они прошли, расположились у ярко горевшего камина - он у Горчаковых топился дровами. Володя загляделся на трепещущий огонь, вспомнив, как Максим «заводил» их своими шуточками. Разозлённые, братья Никишины бросались на него, но Максим убегал – с двумя братьями сладить не мог. Тётя Лариса всегда для ребят устраивала ёлки в своей квартире, а потом и в просторном доме, где было весело и шумно, а после смерти Максима стало тихо и грустно. И совсем дом притих, когда погиб Валентин, который был старше Володи. Он вспомнил общую свадьбу - его с Аней и Маринки Горчаковой с Валентином, побег из ресторана в Екатеринбург, где они жили неделю в гостинице «Исеть»: почему-то понравилась она им своей оригинальной округлой формой. Как это было давно! И подумал: «А мама сказала бы: «Как быстро пролетело время, это было словно вчера». Где же ты, мама?» - он ощутил тоску по матери так остро, что чуть не задохнулся от чувства вины перед ней, подступившей к самому горлу.

Хозяйка дома спустилась сверху вслед за незнакомкой, удивлённо взглянула на гостей.

- Что-нибудь случилось, ребята?

- Лариса Антоновна, а где мама? – спросил её Володя.

- В Екатеринбурге. А что, разве она вам не сказала? – удивилась Лариса.

Парни покраснели, и Лариса поняла, что ничего они не знают. Наверное, и обнаружили её отсутствие случайно и совсем недавно, хотя Светланы в городе нет уже два месяца. «Эх дети вы, дети», - вздохнула, вспомнив Дениса, который тоже не баловал её своим вниманием.

- Да не волнуетесь, всё у неё хорошо, - успокоила она гостей.

- Как не волноваться?! – воскликнула Аня. – Приезжаем к ней, Алёша показывает записку, мол, уехала, простите. А куда, зачем, почему?

- Почему, это вы себя спросите, - с укором произнесла Лариса, - зачем: наверное, захотелось пожить в одиночестве, а куда – про это вам Виктория Валентиновна скажет, - и показала на сидевшую в угловом кресле женщину с красивым и печальным лицом.

Молодые люди с удивлением воззрились на неё, догадавшись, наконец, что это мать Валентина: в чертах лица проглядывали его черты. Та тоже внимательно разглядывала их, не вмешиваясь в разговор. И вдруг спросила:

- Вы – Никишины? А ты, наверное, Алёша? – посмотрела она на Алексея.

- Да, - кивнул тот.

- Алёшенька, сынок, - женщина порывисто вскочила с места, подбежала к нему, который тоже поднялся с кресла, и крепко обняла его за плечи. – Я тебя прошу, расскажи про Валечку, ведь вы же вместе служили...

- Конечно, конечно, - пробормотал Алёша.

- Ларочка, а можно, ребята переночуют у нас? – мать Валентина умоляюще посмотрела на Горчакову.

- Да пусть ночуют, места хватит, - улыбнулась Лариса.

- Нет, Лариса Антоновна, - ответил Володя, - мы поедем домой, нас бабушка Груня заждалась, а Лёха пусть ночует.

Алёша вновь кивнул, удивлённый встречей с матерью Валентина.

- Ну, хоть кофе выпейте, - и Горчакова исчезла в кухне. Вскоре она вернулась, неся на подносе чашки с кофе, печенье и пирожные.

Алёша уплетал пирожные и нахваливал кулинарный талант хозяйки дома, произнёс, набитым сладостями ртом:

- А наша маманька нас такими вкусностями не балует, ей всё некогда!

Володя дёрнул брата за рукав, мол, чего жалуешься на мать. А того понесло:

- Не любит мать готовить, а я люблю поесть. Придешь, бывало домой, а там одна колбаса да хлеб, вот и ешь бутерброды всухомятку, а я второе люблю – котлеты, мясо, сало...

- Лёшка, заткнись, - прошипел Володя и засобирался: - Ну, мы поехали, Лариса Антоновна, очень рад был вас увидеть, и вас, Виктория Валентиновна, мы ведь с Валею свадьбу играли в один день.

- Володенька, может, и вы останетесь с Анечкой? Про Валю расскажете.

- Извините, нам и правда надо, бабушка у нас очень старенькая. А я приеду потом, вы не обижайтесь.

Володя с Аней уехали, Алексея Виктория увела в свою комнату, где они, разговаривая, сидели очень долго, пока Алёшу не стало клонить в сон. Виктория сама отвела его в комнату Максима, заботливо взбила подушку, поцеловала в лоб и вышла, пожелав спокойной ночи. Алёшу же сон покинул, он лежал и вспоминал разговор с Викторией. Они говорили не только о Валентине. Виктория рассказывала про школьные годы, про свою встречу со Светланой на кладбище у могилы Валентина. Виктория говорила с таким уважением о матери, что Алёше стало стыдно за свои скандалы с ней, за неприязнь, которая жила в нём последние годы, за злость, возникавшую от советов матери. Её нет дома два месяца, а он даже не задумался, где она. Как живёт одна в незнакомом городе? Новый год скоро, и никто к ней не придёт поздравить с праздником, который она очень любит. Он вспомнил, как в детстве вместе с мамой наряжал ёлку. У них искусственная ёлочка, очень пушистая, похожая на лесную красавицу, а он вертел её на оси, разглядывая, красиво ли светится гирлянда.

Может, мамуле сейчас плохо – здоровье у матери стало некрепким после ухода из «Прицепа» - а рядом никого нет, даже её любимых кошек, которые, в отличие от Алёши, первое время очень скучали по хозяйке, бродили по квартире неприкаянные, мяукали, раздражая его, а потом затихли, и старались не попадаться ему на глаза, постоянно спали на кровати матери.

«Ну и сволочь же я!» - завершил свои ночные мысли Алёша. Ему захотелось вскочить и броситься сквозь ночь навстречу матери, пробиться к ней через метель и холод. Но разум всё-таки заставил дожидаться утра. Он вертел-

ся на постели, ожидая, когда в доме кто-нибудь проснётся, и при первом шуме вышел из комнаты, спустился вниз.

На кухне негромко брякали посудой обе бабушки маленького Вальки, удивительно похожего на своего отца.

Они негромко переговаривались:

- Хороший мальчик у Светы – Алёша, - сказала Виктория Валентиновна.

- Хороший, - фыркнула насмешливо Лариса Антоновна. – Поросёнок он хороший. Эгоист, все нервы Светке измотал. Она молчит, не жалуется, а в глазах – тоска. Пацаны хотят её привязать к себе, особенно Алёшка. Любит, паршивец, чтобы все вокруг него крутились, требует тепла. А сам это тепло не очень другим отдаёт, да ещё мать обвиняет во всех грехах, вчера, помнишь, жаловался, что готовить не любит. А Светка не рождена для кухни, уж я-то знаю. Ей обидно, что тащила их на себе двадцать лет. Вытащила. А они живут только для себя.

Алёша устыдился, что невольно подслушал разговор и громко поприветствовал:

- Доброе утро!

- Здравствуй, Лёшенька, - хором ответили обе и засмеялись. И Алёша засмеялся, потому что именно так мама отвечала ему на короткое: «Привет».

- Садись, милый, сейчас мы тебя накормим, а потом и Валечка проснётся, - проговорила Виктория Валентиновна, показывая на стол, где на тарелке высилась горка блинов, и стоял чайник.

Алёша смущённо произнёс:

- Вроде бы пост, а тут – блины...

- Пост для меня, - кротко ответила Виктория, - а ты – молодой, тебе силы нужны. Мы тут тебе кое-что в дорогу приготовили, - подала пакет из фольги. – Ты и дома покушаешь, и с собой возьмёшь.

- В какую дорогу? – изумился Алёша проницательности женщин: он решил поехать к маме просить прощения, а они догадались.

- Лёшенька, мы тебе советуем съездить за мамой, помириться с ней, - сказала Виктория. - Поверь, ей там очень плохо без вас, она вас очень любит и желает вам только добра, но вот такая она – суровая, не она в том виновата, а жизнь. Думаешь, легко было ей одной вас на ноги поднимать?

- А кто ей мешал замуж второй раз выйти? – встопорщился Алёша.

Женщины рассмеялись так весело, что молодой человек опешил.

- Какой же ты ещё дурачок, Лёшка, - сказала Лариса. – Да не могла она вас на мужчину променять, как бы ни любила кого-нибудь, а всё делала ради вас, и никогда бы не бросила вас. Ну, скажи, плохо вам было с ней?

Алёша опустил голову. Он и сам не понимал, почему кочевряжился перед мамой, хотел что-то ей доказать. Что? Наверное, то, что и сам способен на многое без её помощи. Ну, способен. Она про то знает. Часто не хвалит? Так ведь права тётя Виктория – суровая она. Даже когда маленькие с Вовкой были, лишний раз не ласкала их, всегда держалась спокойно, как с равными, советовалась с ними, как со взрослыми. И вдруг молнией пронзило: «А стали бы мы такими самостоятельными, если бы мама сюсюкала с нами?» И опять Виктория Валентиновна угадала его мысли.

- Лёшенька, не могла она иначе с вами поступать: двое мальчишек без отца рядом росли, она вам за мать и отца была. Скажи, отец много с вами цацкался?

Алёша мотнул головой, вспомнил, как однажды отец в отсутствие мамы ремнём отлупил Володю за мелкую провинку, и тот спрятался под кроватью, скуля, как щенок. Алёша заполз к нему, и вскоре оба, успокоившись, заснули. Отец лишь под вечер вспомнил, где сыновья, начал их искать. Наконец, догадался заглянуть под кровать, уложил спать, погладил по голове, но это были не мамины ласковые руки. И впрямь, мама как-то по-особому могла приголубить, а уж её улыбка становилась иной раз высшей наградой. А теперь мама обнимет его, а он отстраняется, так, может, дело всё в нём, в том, что она желает видеть сына самым лучшим, а он, оказывается, не самый лучший сын? Потому мама и переживает, страдает, слёзы прячет от него – не

раз видел покрасневшие глаза. «Мамочка, какой же я придурок!» - опять подумалось покаянно.

А Виктория продолжала:

- Понимаешь, твоя мать прежде всего видит в людях доброе начало.

- Да уж, - хмыкнула Лариса, - сколько знаю, всё время удивляюсь её идеализму, а в наше время это вообще непростительная роскошь среди зла и неприязни друг к другу. Ты к человеку с душой, а он к тебе...

- А вы знаете, - Алёша вдруг вспомнил давний эпизод, - это ещё в другом городе было, когда отец уехал. У нас во дворе мужик один был противный – пьяница и зануда. Однажды он ударил нашу кошку, я ему сказал, чтобы он так не делал. Тот меня обложил таким матом, да ещё замахнулся, я даже испугался: вдруг отлупит. А тут мама вышла во двор бельё развешивать: сбоку тазик с бельём, а в руке – палка-подпорка. Увидела, что он ко мне подступает. Она тазик выронила и ка-а-к треснет его по хребтине палкой. Он на маму, а мужики неподалёку сидели, схватили его. А мама стоит – белая, как простыня, прижала меня к себе и всем громко сказала: «Если вы думаете, что его отец уехал, так у него защиты нет? Я – его защита, и за сыновей своих голову любому оторву!» Конечно, не смогла бы она сладить с любым дворowym мужиком, но сказала это так решительно, что мужики головы опустили, а тот, кого мама ударила, сразу замолчал, - рассказал, и тут же подумал удивлённо: «Мама столько хорошего сделала, а чего я только про плохое вспоминаю? Что допоздна гулять не разрешала и за прочие глупости её укоряю? А она нас просто хорошими людьми хотела вырастить. Я всё из-под воли её мечтал вырваться, считал, что она мной командует, а я ведь – мужчина. Вот дурак-то! Ну вырвался... И что?»

- Вот видишь, - Лариса Антоновна смотрела серьёзно, - Светлана у нас всегда бесстрашная была, за своих друзей могла и в драку запросто полезть, и лезла, если малышей старшие ребята обижали. Она справедливая, твоя мать. Честная и правдивая. Сколько мы с её правдивостью маялись. Сбежим с уроков в кино, все потом наплетут, что в голову придёт – заболели, опозда-

ли на урок, а мать твоя никого не выдаст, но честно скажет, что в кино ходила. Ну, ей классная наша и наговорит всякого, а она потом переживает, чтобы матери не сообщили, потому что ваша бабушка болезненная была. Да и нам неприятно было: опять Рябилина выставилась. Это мы уже потом поняли, что иначе она не могла. Понимаешь, есть люди – патологические вруны, а Светка – патологическая правдолюбка.

- Ничего себе, - ухмыльнулся Алёша, - а нас ругала по-страшному, если прогуляем.

- Как было с вами сладить? Только твёрдой рукой. Зато выросли вы порядочными людьми. Разве не так? А знаешь, какая она отрядная вожатая была? - гордо сказала Лариса Антоновна, словно это она была вожатой. - Мальчишки за ней хвостиками ходили.

- Мама была отрядной вожатой? – удивился Алёша. Он сам никогда не был пионером: в школу пошёл в середине «перестройки и реформ», когда пионерской организации и в помине не было, а комсомол заставили перейти на коммерческую основу, чтобы смогла организация выжить в той реформенной вакханалии. – Нам она ничего не рассказывала.

- Да некогда было ей с вами воспоминаниям предаваться! – рассердилась Лариса Антоновна. – Ей надо было вас на ноги поднимать, она же всё время на двух работах вкалывала, а ты – «не рассказывала».

Алёша опустил голову: в самом деле, в их доме несколько ребят росло без отца, но Володя и он были одеты лучше, у них были велосипеды, магнитофоны, на левой руке у обоих посверкивали часы, а другие ребята этого не имели. А он, дурак, её попрекает, что мало давала денег на карманные расходы...

- Ты, Лёшенька, скажи ей, - вставила слово и Виктория Валентиновна, - что наши мальчишки уже надоели с вопросом, когда Светлана Николаевна с ними в лыжный поход пойдёт.

Алёша совсем растерялся: его мама, такая серьёзная и, казалось, неприступная, с мальчишками уютскими лыжные походы устраивала! А, впро-

чем, чего удивляться: мать до сих пор выглядит спортивно, глянешь со спины – совсем молодая женщина. А он-то злился, зачем она лыжи свои из подвала принесла. Стоят в коридоре, мешаются, не раз уж хотел отнести их обратно.

Поблагодарив хозяек за гостеприимство, Алёша отправился на вокзал покупать билет на поезд.

Светлана жила в полном одиночестве в Екатеринбурге уже два месяца. То есть, вокруг были люди. Но чужие. Она раскланивалась с соседями по этажу, но попыток познакомиться не предпринимала, тем более не присоединялась к пожилым женщинам, которые дефилировали вечерами во дворе. Ритм её жизни не изменился: по-прежнему вставала рано, завтракала, затем шла гулять. Бродила часа два по городу, возвращалась и садилась за работу: приводила в порядок дневниковые записи, сидя часами за ноутбуком. Изредка вставала, дела разминку телу, опять усаживалась за работу, забыв про обед и ужин, лишь чашка крепкого сладкого чая не пустовала. Человеческие голоса звучали в её пристанище только из телевизора. Но потом появилась компаньонка – лохматая чёрная собачонка с серыми, словно мелированными, прядями. Светлана однажды увидела её сидящей возле рекламного щита рядом с перекрёстком, неподалёку от своего нового жилища. У собаки была такая унылая морда, что Светлана не выдержала, зашла в магазин, купила пару сосисок и отдала собаке. На следующий день также покормила бродяжку, а на третий день, съев угощение, собачонка догнала Светлану и чинно за семенила рядом с ней, как и положено собаке, с левой стороны. Светлана догадалась, что собака знакома с дрессурой, и она либо потерялась, либо её просто завезли в незнакомый район и оставили. На четвёртый день собака проводила Светлану до самого подъезда, но в дом не попросилась: села за пару метров до крыльца, посмотрела, как Светлана открывала кодовый замок. И убежала. Так прошло ещё три дня. А потом Светлана не выдержала и пригласила собаку в дом. Отмыла её, и, оказалось, что собачонка – кудрявая,

но от грязи её завитушки превратились в неопрятные сосульки. Светлана назвала неожиданную компаньонку Умкой, но не в честь мультяшного медвежонка, а потому, что взгляд у неё умный. Теперь у женщины появился молчаливый собеседник, который внимательно выслушивал, при этом ни в чём не перечил. Она рассказывала Умке всё про свою жизнь, словно исповедовалась. Бывало, ругала себя или, наоборот, одобряла за что-то. Иногда горько рыдала, благо никто не слышал, только Умка поскуливала рядом, словно тоже плакала, но о чём-то своём, вероятно, жаловалась на человеческую неблагодарность в ответ на собачью преданность. Но больше всего Светлане было плохо без дела, в которое она могла бы окунуться, как в море, с головой. А дела не было, только одно одиночество...

Она часами бродила по Екатеринбургу, подолгу стояла у плотины Исетского пруда, откуда бурно стекала никогда не замерзающая вода. Светлана любила смотреть на огонь и воду, зимой же фонтаны не работали, сам пруд замерзал, а вода бежала куда-то и, казалось женщине, уносила печаль в даль далёкую. Иногда, гуляя по городу, заходила в православные храмы, которых в городе было уже немало. Однажды шла по улице Клары Цеткин и вдруг услышала голос колокола Вознесенской церкви, он звал женщину к себе, и она пошла к церкви, взошла на высокое крыльцо, перекрестилась и вошла внутрь.

В Храме лишь несколько человек молились у икон, и это обрадовало Светлану: она нечасто, но всё же заходила иной раз в церкви, однако старалась побывать там, когда уже закончилась служба и прихожане покидали храм. Она же садилась на скамью у самого входа, мысленно рассказывала кому-то о своих бедах-проблемах. Но сейчас Светлана подошла к иконе Божией матери, поставила свечу перед ней и зашептала:

– Мать, пресвятая Богородица, помоги мне обрести душевный покой, я устала, очень устала... Впору уйти в мир иной...

Богородица смотрела молча и печально, однако Светлане показалось, что тихий голос откуда-то сверху произнёс: «Не время...» А колокол всё зво-

нил размеренно и печально. И удивительно — печаль душевная уходила куда-то, пока не стало в душе, освобождённой от печали и смятения, светло и радостно. Светлана слегка наклонила голову в поклоне, перекрестилась и направилась к выходу из Храма. Едва спустилась с последней ступени лестницы, как колокол вдруг смолк. Светлана обернулась, перекрестилась, подумав: «Странно... Колокол позвал меня в Храм, а теперь смолк. Почему? Дурной это знак или хороший? Ну, конечно, хороший, иначе и быть не может, зачем же меня тогда колокол позвал?»

Время незаметно подкралось к новому году, осталась последняя неделя, и Светлана размышляла: остаться на праздники в Екатеринбурге или же вернуться в Верхний. Она была обижена на сыновей, что до сих пор не разыскали её, так что можно и не ехать обратно, но с другой стороны — есть примета: как проведёшь новый год, так и проживёшь его. Выходит, она, согласно примете, может оказаться в Екатеринбурге весь следующий год. Но Светлана уже соскучилась по детям, по внучке Сашеньке, даже по буйным, невоспитанным, иной раз и наглым, бомжатам.

- А что же, Умка, делать с тобой?

Собака посмотрела внимательно на обретенную хозяйку, и Светлане показалось, что во взоре Умки промелькнул укор: что тут думать? Бери с собой.

- Ладно, возьму, - утешила её Светлана. — Сейчас, говорят, собак можно прямо в одном вагоне с хозяевами возить — на последней площадке последнего вагона. Вот завтра найдём ветеринарную лечебницу, свозим туда тебя, сделаем тебе собачьи документы. И поедем домой. Там у нас много дел накопилось, два кота живут — Рыжик и Найдик, - сказала и поняла, что решение принято: она едет домой. А день определит, когда завершит здесь небольшие дела, например, Умку снабдит разными справками, чтобы беспрепятственно купить для неё билет на поезд. И сразу стало веселее на душе.

На следующий день Светлана, как обычно, вышла в шесть утра на прогулку с Умкой, вернувшись, приготовила немудрёный завтрак из охлаждённых овощей: в последние годы организм не требовал много еды. Умка и то съедала больше, чем она.

- Ну вот, собачка, поедим, и поедем в ветлечебницу.

Умка, не поднимая головы от своей чашки, вильнула хвостом, дескать, слышу, но еда – важнее. И тут зазвенел дверной звонок. Умка подпрыгнула на месте от неожиданности: за всё время жизни в этой квартире собаку ни разу не тревожил этот громкий звук, и она залилась звонким лаем. Удивилась по той же причине и Светлана: некого ей ждать в гости, хотя в Екатеринбурге живут несколько одноклассников да и Горчаков до сих пор тут обретается, но никто не знал о том, что Светлана здесь. Она пошла открывать дверь. Открыла и замерла: на пороге с большущим букетом роз стоял Алёша.

- Лёшик! – назвала Светлана детским именем сына и всплеснула руками: - Ты откуда?

- Из дома. Мама, прости меня! За всё прости. И Вовку прости! Поехали домой, а? Новый год через три дня. Я вчера микроволновку купил и стиральную машину-автомат. Не успел установить, приедем – установлю. Поехали домой, мамуля! – он положил ей голову на плечо, как делал подростком, и затих.

- Сыночек, я давно вас простила. Разве могу я на вас долго сердиться? – она незаметно смахнула слёзы и засуетилась: - Ты голоден? Я сейчас что-нибудь сготовлю, ты иди в комнату, отдохни.

Через полчаса Светлана заглянула в гостевую комнату. Сын спал, свернувшись калачиком, на диване. Его лицо было спокойным и счастливым. Светлана накрыла его пледом, написала записку, что поехала в ветлечебницу, одеваясь, сказала Умке:

- Ну, вот и нет никаких сомнений. Мы едем домой. Там тебе тоже будет хорошо, собачка. А Лёшик пусть отдыхает. Он у нас любит поспать. А мы все дела сделаем, верно, Умка?

Неизвестно, поняла ли что-то собака, но при словах Светланы усердно завертела пушистым хвостом.

С Умкой в ветлечебнице не возникло проблем: осмотрели, сделали прививки, выдали собачий «паспорт», и через день Светлана и Алёша отправились в Верхний. Они купили билеты в последний вагон, но проводница разрешила не оставлять собаку в тамбуре, поэтому Умка спала с комфортом в ногах у Светланы. Алёша был предупредительным во всём, постоянно спрашивал, не нужно ли что-либо матери. А та качала отрицательно головой и говорила:

- Спасибо, сынок, ничего не надо, - ей и в самом деле ничего не надо было – лишь видеть улыбку сына и слышать этот простой вопрос. Вспомнив, что Алёша обиделся, когда она однажды отвергла его совет, добавляла: - Мне, правда, ничего не надо.

И вот вновь поезд въезжает в пригород Верхнего. Десятки раз этот поезд привозил Светлану в родной город, и всякий раз она с волнением рассматривала приземистые щитовые домики, выплывающие сразу из-за соснового бора с левой стороны, а с правой – оштукатуренные деревянные двухэтажки, за которыми виднелись пятиэтажные кирпичные дома. Потом тянулся длинный забор, чтобы у горожан, жителей улиц Лесной и посёлка Моторфлот, отбить охоту пересекать железнодорожные пути у гостиницы, которую давным-давно снесли, там стояла бензоколонка, но название места сохранилось. И вот вокзал, приукрашенный обкладкой из красного кирпича, с новой зелёной крышей. Но высоченные тополя, кусты акации – прежние, такие родные даже зимой, лишённые лиственного покрова. Светлана привычно выискивала в толпе встречающих знакомые лица, подсознательно хотелось увидеть худенькую фигуру матери в её старом пальто с чёрным котиковым воротником. Но тридцать лет назад Августа Фёдоровна уехала туда, откуда ещё никто не возвращался...

Алёша сидел напротив матери и загадочно улыбался. Поезд плавно подкатил к вокзалу и остановился. И тогда Светлана поняла, почему Алёша

так улыбался: на перроне стояли Володя с Аней. Сашенька сидела на руках отца и махала ручонкой проплывавшим мимо вагонам.

- Алёшка, ты – большой хитрец, когда успел сообщить ребятам, что я приезжаю?

- Мам, мобильник – отличная вещь! – улыбнулся снова Алёша. – Ну, бери свою Умку и пошли на выход, гражданочка.

Сын подхватил вещи и направился в тамбур, передал чемодан Володе, соскочил с подножки и подал руку матери. И тут же подбежали Аня с дочерью. Сашенька кинулась к бабушке с криком:

- Бабулечка приехала!

- Бабулечка, взгляни и на нас тоже, - раздался смешливый голос сбоку. Светлана глянула и увидела Ольгу Оленькову, Ларису Горчакову и Викторию. Но с ними не было Насти Окунь — задушевная подруга, видимо всё ещё не простила Светлану за роман с младшим братом её мужа - Валерием. Настя пришла однажды к ней и закатила скандал, чтобы Светлана не совращала Валерия, который был на десять лет её моложе. Ничего-то Настя не поняла об отношениях Светланы и Валерия, отчего Валерий уехал из Верхнего, и не уехал бы, если бы Светлана сама не дала ему «отставку», а после его отъезда плакала ночами – она искренне любила Валерия.

- Девчонки, как я рада вас видеть! – закричала Светлана, попадая в объятия подруг. И это было правдой.

- Ну, лягушка-путешественница, - заявила Лариса, - сегодня новый год встречаем у меня. Все наши придут, и ты с ребятами приходи. А пока, девы – вперёд! – и словно ветром смело подружек с перрона.

«Общий сбор» был назначен на восемь вечера, чтобы успеть накрыть на стол. Словом, как обычно.

Пришли Оленьковы вместе с сыновьями и внуком Артёмкой, чета Остапенко, Чарышевы, Светлана со своими детьми и внучкой Сашенькой. Только семейство Горчаковых было в усечённом составе – Лариса, Марина с

Валечкой, но зато в наличии – вторая его бабушка, Виктория. Не было и «аквариума» - семьи Окуней, и это очень огорчило Светлану. И только сели за стол в нижнем холле, чтобы отметить «свердловский» новый год, который наступает на два часа раньше, чем «московский», как внизу за десять минут до полуночи раздался гонг: Горчаков приобрёл оригинальный звонок – нажимаешь кнопку, приходит в движение миниатюрный молоточек и бьёт по медной тарелке. Няня Валечки, баба Рина-Арина, которая стала практически членом семейства Горчаковых, открыла дверь, послышались её ахи-охи, и вслед за ней вошёл Андрей Петрович Горчаков собственной персоной. Мужчины, успевшие «приложиться» к бутылочке, издали дружный рёв:

- О! Князь Горчаков, ура князю!

Лариса медленно поднималась со своего места, она то бледнела, то краснела, и Светлана не на шутку перепугалась, как бы подруге не стало плохо. Дёрнув Ларису за руку, прошипела: «Выйди из-за стола, подойди к Андрюшке, видишь, топчется на месте как медведь перед...»

Супруги Горчаковы сдвинулись с места одновременно, потому что «светлейшего» тихонько в спину толкала баба Рина. И едва сошлись «два путника в одной точке», приникли друг к другу так, что Игорь Оленьков не удержался от хохмы:

- Эй, князь с княгиней, вы что? Сиамскими близнецами стали?

И все присутствующие грянули дружно:

- Горько! Горько!! Горько!!!

Горчаков глянул шалыми глазами в глаза Ларисы и прошептал:

- Какое, к чёрту, горько? Мне сладко, Ларисочка, единственная моя, так сладко, что голова кружится, - и жадно приник к её губам. Какое счастье вернуться в родной дом, где тебя ждут!

Веселье было в полном разгаре. Взрослые дурачились наравне с ребятами, водили хороводы, играли в прятки, «угадалки» и прочие детские игры. Только Горчаковы сидели за столом, о чём-то разговаривали, смотрели

друг на друга влюблёнными глазами. Алёша подошёл к ним, наклонился, что-то сказал, оба согласно кивнули.

Светлана наблюдала за друзьями, сидя у камина. Никто к ней не приставал, не тянул в круг, потому что знали: если захотела Рябина уединиться, никто её не расшевелит, пока сама не захочет из дум выйти да в круг войти. А уж тут она мастерица: никто в их дружной команде не смог ни разу «перескакать» подругу в танцевальном марафоне. Кто-то обнял её сзади, она вскинула голову, улыбнулась сыну.

- Мамуля, я пойду, хорошо? – Алёша поцеловал мать в щеку.

Светлана кивнула, разрешая. Притянула голову сына к плечу и тоже поцеловала.

Алёша ушёл, а Светлана по-прежнему сидела в кресле и думала.

Вновь зазвучал гонг, который никто не услышал за гомоном и гремевшей музыкой. Светлана встала и направилась в прихожую. Открыла и остолбенела: на пороге стояли Настя и Василий Окуни.

Василий подтолкнул жену к подруге и хохотнул:

- Во, привёл! Разбирайтесь сами, а то моя Настасья Степановна извелась от чувства вины перед тобой. И сюда не хотела идти, мол, стыдно, что влезла в твои отношения с Валеркой, как будто бы вы сами не разобрались. Вишь, училка-ханжа в ней заговорила, решила, что Валерочке надо помочь устроить судьбу, зачем ему старая баба, ха! Влезла, а потом сама не рада стала. Сначала Лерка уехал, потом – ты, вот она слезами и залилась. В общем, разбирайтесь, а я пошёл, - и отправился к друзьям холл.

Настя подтолкнула пальцем очки, потом сняла, потёрла переносицу, на которой краснел след от перемычки. След медленно исчезал, потому что краснело лицо Насти.

- Свет, я виновата перед тобой, прости...

Светлана засмеялась тихонько и ничего не ответила. Просто обняла подругу, с которой сидела за одной партой десять лет. Они и сейчас уселись рядышком на пуфики, приникли друг к другу и, плача, взахлёб, заговорили.

Посторонним их разговор показался бы бессмысленным, а для подруг сейчас не было ничего важнее:

- Настя, Настя, какая же ты бестолочь...

- Да и ты не лучше, обиделась, непонятно почему... Я же хотела, как лучше.

- Это тебе непонятно, как я могла, как ты сказала, связаться с мужчиной моложе себя, а я ведь Валеру полюбила. Пришла, гадостей наговорила...

- А сама-то? Почему не захотела оправдаться?

- Это в чём оправдаться? – оцетинилась Светлана. - Что счастья захотелось? Что снова полюбила, и меня полюбили?

- Ой, молчи-молчи, а то опять поругаемся! – обняла её за плечи Настя. – Глупые мы с тобой обе, - и вновь слёзы из двух пар глаз. Зато носовой платок был один на двоих, по очереди вытирали светлые и лёгкие ручейки на щеках. Лёгкие потому, что сползала с душ тяжесть.

Дверь в холл распахнулась, и в прихожую заглянули Лариса и Ольга Оленькова.

- А тут потоп! – хором воскликнули женщины. – Где трубу прорвало?

- Перестаньте реветь, пойдёмте в мансарду, на улице уже рассвет занимается, - предложила Лариса и первой вышла из прихожей.

Светлана и Настя утёрли слёзы, направились вслед за подругой. Замыкала шествие Ольга, она махнула рукой сидевшим за столом взрослым – дети давно угомонились, их, спящих, разнесли по комнатам большого дома Горчаковых. По винтовой лестнице поднялись на второй этаж, затем по такой же лестнице – в мансарду, где в крыше сделан козырёк, а под ним – широкое окно, глядевшее на восток поверх леса: дом стоял на окраинной улице, где не было пятиэтажек.

Компания весело, с шутками поднялась наверх и остановилась, изумлённая, перед окном, из которого был хорошо виден горизонт, зубчатый от деревьев, упиравшихся в небо. И там, за лесом разгоралась ярко-красная искорка. Она росла, росла, пока не превратилась в алый мячик, скакавший

между деревьями. Мячик тоже стремительно рос, и стал багровым шаром, от которого зазмеились лучи по верху леса, а сам шар всё ещё не спешил открываться людям, прятался в его глубине, игриво посверкивал среди ветвей. И вдруг выскочил, засиял нестерпимо ярким золотом, а от него по сторонам разлился свет, словно кто-то плеснул на горизонт раскалённую сталь.

Восхищённые невиданным ранее зелищем, они стояли перед окном. Женщины впереди, мужчины – сзади, положив руки на плечи друг друга, обнимая их, словно защищая от неведомых враждебных сил.

- Ой, какая красота! – восхищённо проговорила Настя. – Новый день родился.

- И новый год, - добавила Ольга Оленькова.

- Нет, девчонки, это начался новый виток нашей жизни, - возразила Светлана, - мы пришли сюда, такими, какие есть, а через год что-то в нашей жизни снова изменится, изменимся и мы. И так – до того момента, пока жизненная спираль не завершится: у неё есть начало, но есть, к сожалению, и конец. Вот у Семёна его «спираль» оборвалась...

- Что-то ты, Рябинина, мудрёно завернула, - сказал Володя Остапенко: ему всегда жизнь казалась простой и понятной. – В психологию ударились.

Остальные промолчали, не зная, как отнестись к словам Светланы.

И тут заговорила Виктория:

- Не спорьте, мы здесь, - она голосом выделила последнее слово, - пока кому-то нужны, пока наша земная миссия не завершится. И Света права: спираль нашей жизни начинается на земле, а упирается в небо. Туда мы все и уходим...

Оленьков хохотнул:

- Ага, «табор уходит в небо», - и тут же получил лёгкий толчок в бок от жены, дескать, уймись, а Виктория, словно не заметив иронии одноклассника, продолжила:

- ... И пока спираль не оборвалась, мы должны просто жить и творить добро, вот и вся психология.

А зимний рассвет всё щедрее разливал алый свет, и ночь, в конце концов, отступила, заголубела. День наступил ясный, солнечный и морозный – из печных труб столбиками заструился белый дым, и это первая примета похолодания. И каждому из стоящих перед окном, наверное, всё равно было, каким будет день, грядущий за наступившим, главное – сегодняшний, первый в новом году, такой ласковый и светлый, что поневоле согласишься: впереди - счастье и душевный покой.

2015 г.